

18+

Мозе де Аленкар
Сеньора

Жозе де Аленкар

Сеньора

«Издательские решения»

Жозе де Аленкар

Сеньора / Жозе де Аленкар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511484-6

Рио-де-Жанейро. XIX век. В такое место и время нас переносит роман «Сеньора», написанный классиком бразильской литературы Жозе де Аленкаром. Эта книга — «зеркало эпохи»: тильбюри, проносящиеся по улицам, премьеры в столичной Опере, платья с буфами и головокружительные туры вальса... И вместе с тем как актуальна эта история, произошедшая в мире, где все (или почти все) покупается и продается!

ISBN 978-5-00-511484-6

© Жозе де Аленкар
© Издательские решения

Содержание

Несколько слов об авторе	6
Сеньора и ее белый раб	10
К читателю	14
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Цена	15
I	15
II	18
III	22
IV	25
V	30
VI	34
VII	38
VIII	41
IX	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сеньора Жозе де Аленкар

Переводчик благодарит за помощь в работе над книгой
Е. Огневу, М. Молчанову, К. Ложкину, Г. Сафиханову,
О. Нешкес и И. Фещенко-Скворцову.

В. Махортова *Перевод, примечания*

С. Барханов *Корректор*

В. Махортова, М. Молчанова *Вступительная статья*

Е. Огнева *Вступительная статья*

Клавдия Шильденко *Дизайнер обложки*

© Жозе де Аленкар, 2020

© В. Махортова, перевод, примечания, 2020

© В. Махортова, М. Молчанова, вступительная статья, 2020

© Е. Огнева, вступительная статья, 2020

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-1484-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов об авторе

Жозе Мартиниано де Аленкар родился 1 мая 1829 года в Мессежане, близ города Форталеза, на северо-востоке Бразилии. Его отец, Жозе Мартиниано Перейра де Аленкар-старший, был человеком необычной судьбы. Приняв церковный сан, он хотел посвятить себя служению Богу, но жизнь распорядилась иначе. Жозе Мартиниано серьезно увлекся политикой. В 1817 году вместе с матерью, Барбарой Перейрой де Аленкар, которую сейчас в Бразилии почитают как национальную героиню, и братьями он принял участие в революционном освободительном движении в Пернамбуку. После провозглашения независимости Бразилии был избран в учредительное собрание, а с 1832 года занимал пост сенатора.¹

Раннее детство будущего писателя прошло в родной для него Мессежане. До сих пор там сохранился дом семьи Аленкар с его белеными стенами, окнами, выходящими в сад, деревянными ставнями и рыжей черепичной крышей. Когда Жозе де Аленкару-младшему было девять лет, семья переехала в Рио-де-Жанейро. Это путешествие – сначала из провинции Сеара в Салвадор через сертаны, а затем по морю в столицу страны – навсегда запомнилось Аленкару. Другие воспоминания писателя связаны с новым домом в Рио-де-Жанейро. Часто по вечерам там собирались гости, а точнее, гости, которых приглашала его мать Анна Жозефина. Она, ее сестра дона Флоринда, и их подруги шли в дальнюю залу, рассаживались за круглым столом из жакаранды, некоторое время делились друг с другом последними новостями, а потом принимались за рукоделие и звали юного Жозе, чтобы он им почитал. Читал он не что иное, как романы. В домашней библиотеке их было не так уж много: «Аманда и Оскар», «Сент-Клер, островитянин», «Селестина»... всего около дюжины книг, которые будущий писатель читал и перечитывал для своих слушательниц. Некоторые отрывки вызывали у них такой интерес, что они просили повторить их, а затем обсуждали поступки героев, порицая злодеев и сочувствуя несчастным.^{2 3 4 5}

Иногда дальняя зала становилось местом для других встреч. Там проходили собрания тайного политического общества, секретарем которого был сенатор Аленкар. Юный Жозе тогда оставался с матерью, готовившей шоколад и печенье для особых гостей, и слушал истории, которые она ему рассказывала. Конечно, ему хотелось узнать, почему в их дом приходят все эти незнакомые люди, о чем они говорят с его отцом. Но на эти вопросы Анна Жозефина не могла дать ответа. Угощение было готово, и примерно в девять часов вечера хозяйка дома несла горячий шоколад и целый поднос сладостей в дальнюю залу. Когда она возвращалась, поднос был совершенно пуст. И если верить воспоминаниям писателя, однажды, в очередной раз заметив это, он с детской непосредственностью сказал: «Все они приходит сюда только, чтобы полакомиться шоколадом!» В дальнейшем Аленкар убедился в том, что далеко не все верны идеалам и искренне верят в свое дело, как верил его отец, и что «в политику многие идут исключительно за шоколадом в любом его виде». Но это позднее, а пока Аленкар Второй,

¹ Революция в северо-восточной бразильской провинции Пернамбуку началась в марте 1817 года. Целью движения было создание в провинции независимого правительства. В результате революции была образована Пернамбуканская республика, просуществовавшая до мая того же года.

² События своей жизни Жозе де Аленкар описывает в эссе «Как и почему я стал писателем» (1873). Все цитаты, приведенные нами, взяты из этого текста.

³ Жакаранда – южное дерево, похожее на акацию, с яркими сиреневыми цветками; дает материал для тонких столярных изделий.

⁴ Роман, обозначенный Жозе де Аленкаром как «Аманда и Оскар», по именам главных героев, в оригинале называется «Дети Аббатства» («The Children of the Abbey», 1796 год). Автор романа – ирландская писательница Реджина Мария Рош (1764—1845).

⁵ «Сент-Клер, островитянин» («St. Clair of the Isles», 1803) – роман английской писательницы Элизабет Хелм.

как в шутку называли его товарищи по парте, учился в колледже и был почти бессменным старостой класса. На долгие годы Аленкар запомнил своего учителя и директора колледжа Жануарио Матеуса Феррейру, строгого, но небезразличного к каждому из своих учеников. Окончив колледж, Жозе де Аленкар прошел подготовительные курсы и поступил на юридический факультет университета Сан-Паулу.⁶

В новом городе он обосновался в «студенческой республике», располагавшейся на улице Сан-Бенто. Университетское время стало для него «лучшей порой» в жизни. В студенческие годы он не только освоил основы будущей профессии, но и открыл для себя произведения многих (прежде всего европейских) писателей и поэтов, что повлияло на формирование его литературного вкуса. Университет был своего рода средоточием литературной жизни. Как вспоминает Аленкар, в то время в Бразилии было довольно сложно найти европейские книги, но каждый студент после каникул привозил с собой то, что ему удавалось заполучить, и делился этими «сокровищами» со своими друзьями. Коллекция Флавио Октавиано была особенно богатой, поскольку по наследству от отца ему досталась библиотека, в которую входили книги лучших современных авторов. Один из соседей Аленкара был хорошо знаком с Флавио и нередко брал у него книги на время. Так однажды в «студенческой республике» оказался томик из собрания сочинений Бальзака, и Аленкар познакомился с творчеством этого автора. Как вспоминает бразильский писатель, открыв роман, он не смог понять ни единого предложения. Аленкара, который при поступлении в университет успешно сдал экзамен по французскому языку, это несколько обескуражило, но его интерес к книге был так велик, что он не отказался от намерения ее прочесть. Смотря в словаре каждое непонятное слово, через восемь дней он прочитал весь роман, а к концу месяца – всю книгу. Затем последовали произведения Р. де Шатобриана, А. де Виньи, В. Гюго, А. Дюма, В. Скотта и других авторов. Но настоящим кумиром для Аленкара и его товарищей в то время был Байрон. Все они зачитывались его поэзией, переводили или писали в подражание английскому лорду. Однако к этим своим литературным опытам Аленкар никогда не относился серьезно. Внимание студентов привлекала и зарождавшаяся бразильская литература. Так, Аленкару запомнились оживленные дискуссии о романе «Смуглянка» (1844) Жоакима Мануэла де Маседо. Эта книга, проникнутая романтизмом настроением и трогательным простодушием, была первым написанным и изданным в Бразилии романом. В университетские годы Аленкар пробует себя в журналистике. В 1846 году вместе со своими товарищами он основывает еженедельный журнал «Литературные очерки».⁷

После окончания университета Аленкар возвращается в столицу и начинает адвокатскую практику, а также продолжает заниматься журналистикой. С 1855 года сотрудничает с крупнейшей в столице газетой «Диариу ду Рио-де-Жанейро» («Ежедневник Рио-де-Жанейро»), а в 1856 становится ее редактором. В том же году Аленкар публикует свой первый роман-повесть «Пять минут». Как и большинство произведений автора, роман публиковался отдельными главами. Более серьезным и целостным можно назвать следующий роман писателя – «Гуарани» (1857), который открывает индейскую тему в творчестве Аленкара. Этот роман, повествующий о любви португальской девушки Сесилии и отважного индейца Пери, был

⁶ Отец писателя участвовал в деятельности «Общества правоспособности». Для понимания задач общества обратимся к историческому контексту. В 1831 году первый император Бразилии Педро Первый отрекся от престола в пользу малолетнего сына Педро. Поскольку Педро Второй не мог самостоятельно управлять страной, в Бразилии было установлено регентство. Передача власти Педро Второму должна была произойти по достижении им 15 лет. В период регентства политическая ситуация в Бразильской империи была нестабильной, по стране прокатилось несколько восстаний. В связи с этим в 1840 году сформировалось «Общество правоспособности», членами которого были депутаты парламента и представители сената, выступавшие за отмену регентства и досрочную коронацию наследника бразильского престола. Это представлялось им необходимым для стабилизации положения в стране. Поддержав идеи Общества, Либеральная партия подготовила декларацию о признании правоспособности Педро Второго. Новый император был коронован в 1841 году в возрасте 10 лет. Для поддержки императора и более эффективного осуществления власти был создан особый совещательный орган.

⁷ «Студенческими республиками» в португалоязычных странах называют общежития студентов.

тепло принят публикой. Написание «Гуарани» Аленкара, вероятно, вдохновило путешествие в Олинду, которое он совершил, еще будучи студентом. Двигаясь на север и отчасти повторяя в обратном направлении путь, проделанный в детстве вместе с семьей, он снова видел величественные пейзажи: бескрайние сертаны, залитые лучами обжигающего солнца, пышные леса и полноводные реки. Все эти впечатления затем отразятся на страницах его книг. Серию индеанистских романов продолжает «Ирасема» (1865), которая по праву считается вершиной творчества Аленкара. История индианки Ирасемы, девушки «с медвяными устами», – это легенда о любви, верности и разлуке. Проникнутая тонким лиризмом, книга напоминает поэму в прозе. Роман получил высокую оценку публики и критиков. Машадо де Ассиз, в будущем классик бразильской литературы, написал благосклонный отзыв о книге, которым Аленкар очень дорожил.⁸

За более 20 лет творческой деятельности Жозе де Аленкар создал несколько десятков произведений. Он обращался к прозе, драматургии и поэзии, но именно в жанре романа достиг наивысшего мастерства. Помимо упомянутых выше индеанистских романов, перу Аленкара принадлежат исторические, региональные и городские романы. В «Серебряных копиях» (1865—1866) и «Войне бродячих торговцев» (1871, 1873) показаны события колониальной истории Бразилии. Региональные романы посвящены жизни разных районов страны: «Гаушо» (1870) – югу, «Сертанец» (1875) – северо-востоку, «Ствол ипе» (1871) – центру. Среди городских романов Аленкара особенно примечателен цикл «женские профили», состоящий из трех книг: «Луисиола» (1862), «Дива» (1864), «Сеньора» (1875). Напрямую они не связаны сюжетной линией, но объединены общей тематикой, обозначенной в названии цикла. Таким образом, как отмечает Инна Тертерян в предисловии к русскому переводу «Гуарани», полное «собрание сочинений Аленкара можно рассматривать как единый цикл, наподобие „Человеческой комедии“ Бальзака или „Ругон-Маккаров“ Золя. Героем этого эпического цикла должна стать Бразилия – вся страна, с ее прошлым и настоящим, с ее мифами и историей, географическими и бытовыми контрастами».^{9 10}

Литературную деятельность Аленкар сочетал с журналистикой, а также с политикой. В 1861 году он впервые был избран депутатом парламента от Консервативной партии, а с 1868 по 1870 год занимал пост министра юстиции. Затем писатель принял решение уйти из политики и полностью посвятить себя литературе и семье. С 1864 года Аленкар был женат на Джоржиане Агусте Кокран. В браке родилось шесть детей. Последние годы жизни писателя были омрачены болезнью. Жозе де Аленкар умер от туберкулеза 12 декабря 1877 года.

Спустя 20 лет Машадо де Ассиз, основав Бразильскую Академию Литературы, присвоил Аленкару статус ее почетного члена посмертно. В наши дни имя Жозе де Аленкара хорошо известно в Бразилии. Романы «Ирасема» и «Гуарани» входят в школьную программу. На основе книг Аленкара ставят спектакли и снимают фильмы. Творчество писателя изучают в университетах. В Рио-де-Жанейро именем Жозе де Аленкара названа площадь, на которой установлен памятник писателю. А в Мессежане над водой одноименного озера возвышается статуя индианки Ирасемы, которая словно приветствует всех, кто приезжает в город.

В России Жозе де Аленкар известен прежде всего как писатель-индеанист. В 1966 году на русском языке был издан роман «Гуарани» в переводе А. Шадрина. В 1979 вышли в свет еще два индеанистских романа: «Ирасема» (в переводе И. Тыняновой) и «Убиражара» (в переводе Е. Любимовой). Наша книга призвана открыть другую грань многообразного творчества Аленкара. В оригинале роман «Сеньора» изначально публиковался по главам в одном из жур-

⁸ Гуарани – группа индейских народов в Южной Америке.

⁹ Гаушо – жители провинции (сейчас – штата) Рио-Гранде-ду-Сул, основным занятием которых является разведение скота и лошадей. По духу близки ковбоям.

¹⁰ Ипе – вид дерева, распространенный в тропиках.

налов Рио-де-Жанейро, а затем, в 1875 году, вышел отдельным изданием. Представляя собой «зеркало» эпохи, роман, на наш взгляд, не утрачивает своей актуальности и сейчас. На русский язык книга переведена впервые.

В. Махортова, М. Молчанова

Сеньора и ее белый раб

Нельзя не признать, что отношения с бразильской литературой у нашей читательской аудитории всегда складывались самые теплые: далекая экзотическая страна завораживала и удивляла, будила воображение. Достаточно вспомнить, что интерес к ее поэзии проявил уже А. С. Пушкин, переводивший стихотворение бразильского поэта XVIII века Томаса Антонио Гонзаги («С португальского. Там звезда зари взошла»).

И в дальнейшем этот интерес не ослабевал, а в XX веке значительно возрос. Один за другим в советских издательствах выходили переводы романов, где недвусмысленный социально-критический аспект сочетался с колоритной картиной бразильского быта и нравов – будь то истории расцвета и упадка сахарных плантаций Жозе Линса ду Регу или изнуряющие, на грани выживания, будни обитателей бразильского Северо-Востока, персонажей Гра-силиано Рамоса. Затем, в 1960-1980-е годы пришел черед второй волны популярности Жоржи Амаду, создавшего не только романы о «землях какао», но и галерею запоминающихся женских образов: несгибаемую Терезу Батисту, бунтарку Тьету из Агресте, соблазнительную Габриэлу и чувственную Дону Флор. И уж поистине всенародную любовь снискала на рубеже 1980-1990-х годов «Рабыня Изаура». Благодаря этому первому латиноамериканскому сериалу отечественный зритель (а впоследствии и читатель) смог познакомиться с персонажем одноименного романа, созданного в 1875 году бразильским писателем Бернардо Гимараэном. А вот его современнику, куда более крупной фигуре бразильской словесности, Жозе де Аленкару, повезло меньше – его читали у нас немногие, хотя индеанистские произведения бразильского классика выходили в отличных переводах.

Повести и романы Аленкара «Гуарани» (1857), «Ирасема» (1865), «Убиражара» (1874) по праву входят в золотой фонд бразильского романтизма, определяют душу так называемого первого поколения романтиков, которое прославилось своими поисками национальной самобытности. Аленкар, соединявший талант писателя-романтика с поистине просветительской страстью историка и этнографа, стремился вывести «формулу» бразильского мира, обращаясь к временам колонизации земель, где португальская кровь смешалась с индейской.

Поиск корней и стремление охватить все стороны бразильской жизни заставляет его все плотнее «заселять» свою литературную «карту»: бандейранты и воины, индейцы и миссионеры, жители сертанов, горожане – из-под его пера появляются образы представителей разных эпох и сословий. Писатель стремится дать исчерпывающую картину бурной и красочной бразильской действительности, ее истории и современности – и в качестве исследователя современных нравов предлагает ряд произведений, условно объединяемых в цикл «городских романов». Любопытно, что в его творчестве повести «городского» цикла чередуются с исторической и «региональной» прозой: так, после «Лусиолы» (1862) и «Дивы» (1864) он создает индеанистскую поэму в прозе – «Ирасема» (1865), а за год до «Сеньоры» (1875) – повесть-легенду «Убиражара». Такой контрапункт тем говорит о желании Аленкара постоянно держать перед глазами всю палитру национальной жизни, ее прошлое и настоящее.

Тут на помощь ему приходит и недюжинная эрудиция, и умение работать с архивами, и семейная история, и, конечно же, опыт журналистской работы. Уже в 1850-е годы он осваивает жанр, к тому времени чрезвычайно популярный в Европе и укореняющийся в Латинской Америке – так называемый роман-фельетон: роман, печатающийся в литературных журналах и приложениях отдельными выпусками, «с продолжением». Возможности этого жанра были широко использованы не только развлекательной литературой, но и классикой – так издавали свои произведения и Диккенс, и Бальзак. Жанр накладывал на автора особые обязательства: запутанность интриги, увлекательность, загадки, обрыв повествования на самом интересном месте, – все это должно было держать читателя в напряжении до следующего выпуска. Этими

литературными и журналистскими навыками, отточенными в таких изданиях, как «Коррейру Меркантил» и «Диариу ду Рио-де-Жанейро», Аленкар владел в совершенстве.

По «городским» повестям и романам писателя можно составить себе представление о разных сторонах тогдашней жизни, о ее повседневных мелочах: вот начинается утро в семье небогатого чиновника, вот возвращается с бала супружеская чета, а вот каково убранство кабинета светского щеголя... Эти зарисовки дополняются любопытными картинами национальных нравов. Так, например, читатель подивится парадоксальной на наш взгляд, но типичной для Бразилии 1870-х годов ситуации: рабов имеют даже малообеспеченные жители Рио и, чтобы свести концы с концами, сдают их в аренду – или даже трудятся над выполнением портновских заказов бок о бок с ними, как это происходит в семье Фернандо Сейшаса, главного героя «Сеньоры». Роман написан за 13 лет до принятия так называемого «Золотого закона», знаменующего собой отмену рабства в Бразилии... Или еще одна колоритная деталь: девушки из небогатых семей, которых некому или не на что было «вывозить» в свет для знакомства, традиционно «высаживались» к окну, и наиболее удачливые и пригожие таким путем находили себе женихов.

Впрочем, Аленкар не стремился построить историю «Сеньоры» на основе нравоописания, это – фон, на котором разворачивается драма страсти, «воспитания чувств», ослепления и прозрения. В «Лусиоле», «Диве» и «Сеньоре» писатель замыслил набросать три «женских профиля», три зарисовки к портрету, где отразились бы во всем разнообразии черты современного ему национального характера. Гордость и способность к самопожертвованию бразильской «травяты» Лусии, Лусиолы-Светлячка («Лусиола»); ревность и нежность бывшей пациентки к спасшему ее в детстве врачу («Дива»); изощренная месть отвергнутой возлюбленной («Сеньора») – диапазон оттенков и переходов чувств, интересующих писателя, весьма широк.

Однако нельзя не заметить, что творческие поиски Жозе де Аленкара, знатока и ценителя всемирной литературы, проходят не в некоем вакууме – они находятся в точке пересечения нескольких литературных координат. Они созвучны тому, что в других латиноамериканских литературах в те же годы делают его собратья по перу – каждый на своем национальном материале. Так, весь континент зачитывается романом колумбийца Хорхе Исаакса «Мария» (1867), романтической идиллией на фоне изумительной южной природы. Опасность другого лика романтического жизнестроительства – байронизма – демонстрирует мексиканец Игнасио Мануэль Альтамирано в романе «Клеменсия» (1869). Темы, близкие к затронутым Аленкаром в «Сеньоре», разрабатывает и крупнейший чилийский прозаик Г. Блест Гана в «Арифметике в любви» (1860) и «Уплате долгов» (1861). И если с Хорхе Исааксом у Аленкара общий учитель – великий французский романтик, «певец природы» Шатобриан, то с чилийским писателем бразильца сближает преклонение перед гением Бальзака.

«Уроки» Бальзака, научившего литературу говорить не только о чувствах, но и о власти франков, су и луидоров, не проходят бесследно для автора «Сеньоры». Любители бальзаковской прозы сразу заметят параллели, аллюзии и отсылки к произведениям французского мэтра: жертвенное служение домашних молодому денди Фернандо Сейшасу напомнит историю Расиньяка и его семьи из романа «Отец Горио». Унизительная сцена в опере во многом повторяет эпизод из «Утраченных иллюзий», а метаморфоза, произошедшая с Аурелией после получения наследства – перемены в судьбе скромницы Модесты Миньон из одноименной повести Бальзака. Впрочем, никто из современников, узнавая эти реминисценции, не упрекнул бы Аленкара в заимствованиях: он переводит французский пример в область общечеловеческих драм и прослеживает их преломление на бразильском материале. Вместо су и франков у него милрейсы и конто, бразильские предрассудки и условности, возможности национальной жизни, среды, воспитания, традиций. Внутренний мир его персонажей сформирован именно национальной действительностью, и автор выступает как исследователь противоречий именно бразильской души.

Рио-де-Жанейро времен Второй Империи предстает в романе «Сеньора» процветающим городом, столицей новых экономических возможностей, местом, где ловкий честолюбец может относительно быстро нажить состояние. Займы, концессии, деньги под проценты и, конечно, умение сделать хорошую партию могут позволить подняться на очередные ступеньки общественной лестницы, обеспечат возможность стать участником «праздника жизни», о котором мечтает Фернандо Сейшас. Жозе де Аленкар, создавая в романе своего рода моментальный снимок эпохи, с горечью и презрением то тут, то там роняет слова об этой эре «шарлатанов», алчных корыстолюбцев, всеобщего угара от «быстрых денег». В этой атмосфере формируется уникальный характер Аурелии. Ей самой судьбой вроде бы предназначена роль жертвы, заложницы материальных обстоятельств. Однако в отличие от героинь латиноамериканских писателей-современников Аленкара, в «Сеньоре» перед нами сильная и волевая личность, способная трезво и расчетливо поставить дерзкий эксперимент: «купив» себе в мужа отвергнувшего ее когда-то мужчину, унижить его и превратить почти на год в своего «белого раба».

Части романа озаглавлены: «Цена», «Сделка», «Владение» и «Выкуп». Постоянные апелляции к миру финансов в романе не просто дань броской метафоре – на язык «материальных ценностей» переводится вся история брака, основанного на мести оскорбленной женщины. Писатель наделяет свою героиню не только искусительной красотой, но и чисто мужскими способностями оперировать финансами. Немыслимая для женщины той эпохи быстрота счета, умение вычислять проценты и дивиденды, помнить курсы и котировки, вести бухгалтерию составляет разительный контраст с портретом молодой нежной красавицы, в душе которой бушуют неистовые страсти. Аленкар, сумевший мастерски отформатировать в своем творчестве жанр романа-фельетона, выстраивает по его канонам эффектный эпизод первой брачной ночи героев, подготовив обман читательских ожиданий. Аурелия в соблазнительном дезабилье отпирает секретер и начинает холодно вести с ошеломленным женихом разговор о деньгах и расписках. Он куплен, поработан, унижен фиктивным браком, обречен исполнять роль красивой игрушки в руках своей Сеньоры – не просто супруги, но владычицы.

Исполненная страсти «дуэль» между молодоженами развивается по законам любви-ненависти. Писатель прослеживает все стадии разрушительного, изнуряющего обоих супругов при творства. Он заставляет их почувствовать и театральность их неестественной жизни. И Аурелия, и Фернандо живут как на сцене, разыгрывая на подмостках светского Рио то комедию, то драму счастливой семейной жизни, которой на самом деле нет.

Обстоятельства заочной «покупки» Аурелией своего «белого раба», сватовства влепую могут показаться современному читателю романтическим преувеличением. Однако, как подчеркивает писатель, в ту пору в бразильском обществе некоторые браки так и совершались. В памяти у всех бразильцев еще была свежа история женитьбы их собственного императора Педро Второго. Голубоглазый красавец-великан с волевым «габсбургским» подбородком, покровитель наук и искусств, полиглот и сторонник отмены рабства сам по себе был завидным женихом, но как наследник бразильского трона не особенно привлекал августейших родителей в Европе. Отдать за него согласились лишь принцессу Терезу Кристину Бурбон-Сицилийскую. Сватовство проходило заочно, по портрету, и внешность невесты была сильно приукрашена. Увидев ее вживую, бразильский наследник буквально отшатнулся – так она была нехороша. Но взять назад слово чести не смог, и в дальнейшем это стало залогом долгого счастливого брака... Фернандо Сейшас оказывается почти в той же ситуации – сначала дает слово, и только потом видит невесту, девушку, любовью которой когда-то пренебрег. Отказаться он уже не может, так как задаток из ее приданого им истрачен.

Но романная ситуация, задуманная в «балзаковских» категориях, под пером Жозе де Аленкара будет развиваться по иным – романтическим – канонам. И пусть писатель щедро разбрасывает упоминания о «среде», «обществе» и «воспитании» своих героев, как это делали европейские реалисты... Пусть отдает дань и нарождающемуся натурализму, рассуж-

дая о физиологии ревности или о том, какое чувственное воздействие оказывает вальс на бразильский темперамент... Созданную им картину мира это не меняет. Характеры его героев, структурированные по романтическим законам, подчинены «одной, но пламенной страсти». Аурелия мстит Сейшасу не за то, что тот отказался от нее ради светского успеха и богатства, а за то, что он предал ее представление об Идеале, об Абсолюте. Он мог бы когда-то, полюбив ее бескорыстно, стать идеальным Творцом, а она – его Творением. Чувства, которые они питают друг к другу, не случайно сравниваются с теми, что влекли Пигмалиона к Галатее. Но теперь оживляющее, одухотворяющее начало любви, связующее героев античного мифа, в жестоком фарсе, который разыгрывают персонажи Аленкара, вывернуты наизнанку, снижены. Пигмалион и Галатеея меняются местами.

А пока «белый раб» делает все, чтобы выкупить свою свободу, законы, более властные, чем законы финансового мира, вступают в силу. Ненависть уступает место любви.

Любовь выступает в «Сеньоре» как великая преобразующая сила. В художественном мире Аленкара у нее есть два союзника – природа и культура. Пьянящее дыхание южной ночи, чарующие запахи сада, красота цветущих растений искушают героев, словно призывая их сдаться, отречься от низменных и сиюминутных расчетов. Именно тогда в Сейшасе, импровизирующем на темы байроновского «Корсара» и «Паризины», просыпается истинный поэт, и исчезает подражатель, фат, носивший до сих пор лишь модную маску «байронической личности». «Корсар» Байрона с его неукротимыми страстями, с образом роковой мстительницы как бы «удваивает» историю Аурелии, гиперболизирует ее.

Жозе де Аленкар, представляя на суд соотечественников свою «Сеньору», решился на смелый художественный эксперимент. Он, как сказали бы сегодня, создал произведение «с двойной кодировкой», обращаясь сразу к двум адресатам – наивной и ненаивной читательской аудитории. Первая будет читать роман как историю страсти, наслаждаясь ее «серьезной» поэтикой; вторая, более искушенная, сумеет вписать прочитанное в обширный литературный контекст. Причем уловит не только авторские реплики в диалоге с Шатобрианом, Байроном или Бальзаком, но и с современными Аленкару литературными спорами. И как бы ни прятался Аленкар-повествователь за фигурой Аленкара-издателя, в предисловии представляя свою историю как чужой текст, его выдает полемическая страстность: Аурелия обсуждает с гостями не что иное, как... повесть самого Аленкара «Дива», спорит с критиками о правдоподобии созданного автором характера – схожего с ее собственным. Это еще один аргумент в разговоре о романтической константе «бразильской души». Права или нет Аурелия в этом споре – судить нашему читателю.

Е. Огнева

К читателю

Эту книгу, как и две предшествующие ей, не следует считать плодом труда писателя, которому приписывается их авторство.¹¹

История, изложенная в этой книге, подлинна; она была рассказана мне одним человеком, который узнал ее непосредственно от ее главных действующих лиц при обстоятельствах, мне неизвестных.

Предполагаемый автор романа на самом деле не более чем его издатель. Он не придумывал сюжета, но облек его в литературную форму; иными словами, его можно назвать создателем книги, но не автором истории.

Как бы то ни было, прихотливость стиля, которым написаны страницы этого романа, а также смелость воображения, о которой свидетельствуют некоторые повороты сюжета, уже не свойственны сдержанному и рассудительному писателю, утратившему былые иллюзии и прежнюю восторженность.

Меня посещали мысли о том, чтобы исключить некоторые наиболее драматичные сцены или по меньшей мере затенить самые яркие и броские краски.

Но стоило ли мне жертвовать изяществом языка и стиля, которое утонченные эстеты, вероятно, найдут самой сильной стороной книги?

Кроме того, справедливо ли считать упомянутые мной драматичные сцены не более чем украшательством, данью форме, или же, скорее, они служат фоном, на котором лучше проявляются тонкие грани характера главной героини?

Действительно, есть нечто высокое и добродетельное в этой гордой женщине, способной устоять перед любыми соблазнами, не поддаваясь порывам собственной страсти и не уступая горячности чувств.

¹¹ Речь идет о романах «Лусиола» (1862) и «Дива» (1864).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Цена

I

Несколько лет назад в небе над Рио-де-Жанейро зажглась новая звезда. И с того самого момента ее превосходство было неоспоримо, она была единогласно провозглашена королевой высшего света. Она стала богиней балов, музой поэтов и кумиром неженатых мужчин.

Она была богата и красива. В ней сочетались два достоинства, которые дополняют друг друга, как цветок и алебастровая ваза. Ей принадлежали два преимущества, которые усиливают сияние друг друга, точно луч солнца, отраженный гранями бриллианта.

Кто не помнит Аурелию Камарго, блиставшую при дворе, подобно яркому метеору, который теряется в лучах собственного света?

Когда она впервые появилась в высшем обществе, ей было восемнадцать лет. О ней ничего не знали, но ее появление было у всех на устах, и все жаждали выяснить, кто же она такая. Тогда о ней было сказано немало слов, но теперь повторять их я не стану, потому что правду мы узнаем в свое время, а язвительные замечания недоброжелателей внимания нашего не заслуживают.

Аурелия была сиротой. Она жила вместе со своей дальней родственницей, пожилой вдовой по имени Фирмина Маскареньяс, которая всегда сопровождала девушку, когда та выходила в свет. Эта родственница была не более чем компаньонкой, чьего присутствия требовали условности, принятые в бразильском обществе, противившемся эмансипации женщин. Уважая возраст доньи Фирмины, Аурелия всегда была с ней обходительна, однако ни на минуту не отступала от своего намерения быть полноправной хозяйкой дома и во всех поступках руководствоваться исключительно собственной волей.

Кроме этого, у Аурелии был опекун, однако о нем мало кто знал, и, если учесть характер воспитанницы, он оказывал на нее не большее влияние, чем пожилая компаньонка.

Согласно общему мнению, будущее девушки зависело исключительно от ее предпочтений и капризов, поэтому все подарки поклонников оказывались непосредственно у ее ног. Преследуемая толпой обожателей, боровшихся за нее, как за трофей, Аурелия с удивительной для своего возраста мудростью оценила положение, в котором оказалась, и осознала всю его опасность. Должно быть, именно это было причиной ее высокомерия и некоторой резкости манер, искажавших ее красоту, созданную для выражения нежных и светлых чувств, рождавшихся в ее душе.

Если бы ее лицо лишилось саркастического выражения, которое оно имело даже в те минуты, когда она была погружена в раздумья или отвлечена, никто не увидел бы в нем истинной Аурелии; оно стало бы маской, изображающей глубокое разочарование.

Но как поверить, что природа создала такие правильные и чистые черты, только чтобы их гармонию нарушала ухмылка, полная едкой иронии?

Господь не сделал бы большие глаза Аурелии такими бархатными и нежными, если бы предназначил их только для того, чтобы они искрились от насмешки.

И неужели ее стройному стану сальфиды суждено было трепетать не от любовного волнения, а лишь от порывов ненависти?

Появляясь на балах, окруженная поклонниками, Аурелия была далека от того, чтобы упиваться восхищением, которое вызывала в них ее блистательная красота. Напротив, казалось, она не чувствовала ничего, кроме возмущения, когда видела своих обожателей, которые представлялись ей сборищем плутов и бездельников.

Их внимание она воспринимала не как свой триумф, которого она была достойна, а как постыдное преклонение перед ее богатством. Она бросала вызов свету и гордилась тем, что может раздавить его под своей ступней, как ядовитую рептилию.

Но общество таково, что именно демонический блеск ее красоты делал Аурелию наиболее желанной. В дерзкой пылкости ее бунтующей души угадывались бесконечная страстность и чувственность, с которыми способна любить непорочная вакханка.

Если бы окружающий ее мрачный ореол вдруг развеялся и сменился светом нежности и невинности, озаряющим ее, точно совершенную статую, красота целомудренной девушки, подобной чистому прекрасному ангелу, наверное, не была бы оценена по заслугам.

Наибольшее негодование в Аурелии вызывало не что иное, как собственное богатство, ставшее для нее королевским тронem и позволившее ей обзавестись целой армией раболепных поклонников, которые, несмотря на все ее таланты и красоту, не обратили бы на нее внимания, будь она бедна.

Считая золото презренным металлом, в глубине души она чувствовала себя оскорбленной, понимая, что для окружающих она сама не значит ничего и что заискивают не перед ней, а перед каждым из тысячи конто, которыми она обладает.¹²

Ни одному поэту в мире, даже Чаттертону, не принадлежат замечания о деньгах более едкие, чем те, которые срывались с губ очаровательной Аурелии, купавшейся в роскоши.

Достаточно упомянуть всего одну деталь, чтобы раскрыть эту сторону ее характера.

Будучи уверенной, что все до одного поклонники заинтересованы исключительно в том, чтобы завладеть ее богатством, Аурелия, смеясь над ними, определяла, сколько стоит каждый из них. Их заслуги она оценивала в денежном выражении. Говоря финансовым языком, Аурелия котировала поклонников, устанавливая цены, по которым каждого можно было бы выгодно продать на брачном рынке.

Однажды вечером в Казино, Лизия Суарес, близкая подруга Аурелии, желавшая, чтобы та поскорее вышла замуж, шутя упомянула имя Алфредо Морейры, элегантного юноши, недавно вернувшегося из Европы.

– Он весьма хорош, – сказала в ответ Аурелия. – Как жениха я оценила бы его в сто конто. Но мне, Лизия, он не подходит, у меня достаточно средств, чтобы позволить себе более дорогого жениха.

Подобные фразы Аурелии у большинства окружающих вызывали улыбку, потому что воспринимались как остроумные шутки. Однако почтенные дамы, главным образом те, у которых были юные дочери, находили их неуместными в устах порядочной девушки.

Поклонники Аурелии знали, во сколько она оценивает каждого из них и какое место они занимают в составленном ею списке. Аурелия не делала из этого тайны. Женихов подобная игра не раздражала, а, напротив, развлекала, особенно тех, чьи акции стремительно росли, вызывая ажиотаж на брачной бирже. Так происходило, если кто-то из претендентов имел счастье чем-либо угодить Аурелии или выполнить ее каприз. Если же кто-то своими поступками вызывал ее неудовольствие, его акции тотчас падали в цене.

Либо алчность притупляла чувства поклонников, либо страсть ослепляла их, но они не замечали холодной язвительности, которую Аурелия направляла против них, ведя с ними нелепую игру. В этой игре им виделось проявление девичьего кокетства, хотя на самом деле она являлась следствием глубокой душевной обиды Аурелии.

Как бы то ни было, игра продолжалась; падение котировок становилось причиной мимолетного огорчения, которое, впрочем, быстро сменялось упрямой надеждой. Никто не хотел

¹² Денежной единицей Бразилии XIX века был реал. Тысяча реалов носила название «мильрейс», а миллион реалов назывался «конто».

выходить из игры, тем более Алфредо Морейра, который, вероятно, возглавлял биржевой список.

Я не стану описывать придворных салонов, посещая которые Аурелия видела у своих ног все наше блестящее общество. Мое намерение состоит лишь в том, чтобы рассказать о душевной драме, определившей судьбу этой женщины.

II

Около девяти часов утра. Лучи жаркого мартовского солнца пробиваются сквозь шторы, закрывающие окна особняка, расположенного в районе Ларанжейрас.¹³

Мягкий свет, проходящий сквозь зеленую ткань, падает на изящную фигуру Аурелии, тень от которой ложится на стену, оклеенную бархатными алыми обоями. Девушка, расположившаяся на кушетке и смотрящая в сумрак комнаты, кажется погруженной в глубокие раздумья. Теперь, когда она в своем доме, наедине с самой собой, ни в ее лице, ни в ее позе нет той энергии, которая обыкновенно исходит от нее, как огненное сияние от молнии.

Напротив, она исполнена покоя, который в некоторой степени приглушает блеск ее красоты, но вместе с тем придает ей нежности и кротости, делая ее еще более очаровательной.

Сейчас в ее глазах не горят яркие искры, которые обжигают, точно летний зной, когда она появляется в свете. На ее губах нет едкой усмешки, и выражение их передает искренние переживания ее души.

Ее прекрасное лицо тронуту легкой печалью, которая, как считается, украшает тонкие черты. Есть женщины, которых едва уловимая тень печали делает совершенными. Эти уединенные ангелы способны пробудить самую сильную страсть.

Аурелия полностью сосредоточена на своих мыслях. Если бы кто-нибудь увидел ее в этот момент, он никогда бы не догадался, что она, внешне такая спокойная и невозмутимая, обдумывает вопрос, от которого зависит вся ее жизнь, и готовится предпринять непоправимый шаг, жертвуя собственным будущим.

Девушке пришлось прервать свои размышления вскоре после того, как в кабинет кто-то вошел. Это была дона Фирмина Маскареньяс, ее компаньонка. Вдова склонилась над кушеткой, чтобы поцеловать Аурелию в щеку, и только тогда девушка очнулась от мыслей, в которые была погружена.

Она рассеянно посмотрела вокруг, а затем взглянула на маленькие часы на цепочке из темного золота, которые носила на поясе.

Дона Фирмина тем временем поместила свое полное пятидесятилетнее тело в одно из широких кресел с подлокотниками, стоявшее рядом с кушеткой; сидя в нем, она ждала, когда придет время завтрака.

– Должно быть, вы утомились после вчерашнего бала? – спросила вдова Аурелию, изображая нежную заботу, к чему ее обязывало положение компаньонки.

– Вовсе нет. Я чувствую легкую слабость, но, наверное, это из-за жары, – ответила девушка, не желая называть истинной причины своей задумчивости.

– Балы заканчиваются очень поздно, что вредит здоровью. Не иначе как поэтому в Рио-де-Жанейро столь многие девушки страдают чрезмерной худобой и имеют желтоватый цвет лица. Только подумайте, вчера ужин стали подавать в тот час, когда в церкви Святой Терезы готовились к вечерне. А первая кадрили и вовсе началась во время Арагонского звона! Принимали гостей неплохо, но уж слишком много было суеты...¹⁴

Продолжая высказывать свои впечатления о вчерашнем вечере, дона Фирмина не сводила глаз с лица Аурелии, по выражению которого стремилась угадать, как та относится к ее словам, и была готова взять их обратно, если они вызовут хотя бы малейшее недовольство девушки.

¹³ Ларанжейрас – район Рио-де-Жанейро, где исторически жили знатные и богатые горожане.

¹⁴ Арагонский звон – так в Рио-де-Жанейро называли звон колоколов церковей Святого Франциска и Святого Бенедикта. Согласно закону от 3 января 1825 года после Арагонского звона жители города не должны были покидать своих домов до рассвета, что было необходимо, чтобы снизить количество преступлений. Звон начинался в 22 часа летом и в 21 час зимой и продолжался в течение получаса.

Аурелия не прерывала дону Фирмину, желая, чтобы убаюкивающие звуки ее речи помогли ей самой отвлечься от занимавших ее мыслей. Девушка слушала компаньонку, не вдумываясь в смысл ее слов; она знала, что дона Фирмина говорит о бале, но не следила за тем, что именно она рассказывает.

Вдруг Аурелия прервала ее:

– Дона Фирмина, как вы находите Амаралзинью?

Компаньонка сделала вид, что вспоминает.

– Амаралзинья? Это та девушка, которая была в синем?

– Да, ее прическу и платье украшали серебряные колосья. Она была одета просто и со вкусом.

– Помню, помню. Очень элегантная особа, – сказала дона Фирмина.

– А кроме того, она имеет прекрасные манеры, превосходно играет на фортепиано и замечательно поет.

– Но редко появляется в свете. Вчера я видела ее впервые; не помню, чтобы мы встречались прежде.

– Вчера был ее первый выход!

Во время этого диалога Аурелия почувствовала, что сокровенные мысли вновь увлекают ее за собой, овладевая ее душой. Однако, противясь этому, она живым и уверенным тоном обратилась к компаньонке:

– Прошу вас ответить на один мой вопрос, дона Фирмина.

– Спрашивайте, Аурелия.

– Пообещайте прежде, что не будете лукавить.

– Лукавить? Да разве есть на свете кто-нибудь честнее меня? Не моя ли честность приносит мне столько неудобств?

Девушка не решалась задать вопрос.

– Говорите, сеньора.

– Кто, по-вашему, красивее: Амаралзинья или я? – сказала наконец Аурелия, слегка побледнев.

– Ну и ну! – ответила, смеясь, компаньонка. – Вы, конечно, шутите, Аурелия? Разве можно Амаралзинью сравнить с вами?

– Скажите честно!

– Есть девушки красивее Амаралзиньи, но и они вам в подметки не годятся.

Вдова назвала имена четырех или пяти девушек, которые тогда были в числе первых красавиц и которых теперь я не помню.

– И все же она так элегантна! – возразила Аурелия и на миг вновь сосредоточилась на своих мыслях.

– Это дело вкуса!

– Как бы то ни было, ее манеры лучше моих, не так ли?

– Что вы, Аурелия? Во всем Рио-де-Жанейро нет девушки, чьи манеры были бы так изящны, как ваши. Да что Рио-де-Жанейро! Такой, как вы, наверное, нет и в самом Париже.

– Спасибо. И это ваша честность, дона Фирмина?

– Да, сеньора. Такова моя честность, и выражается она в том, что я говорю правду и не скрываю ее. К тому же мои слова вам много кто может подтвердить. Вы играете на фортепиано, как Арно, поете, как примадонна, а своей речью способны очаровать любого чиновника или дипломата. Что удивительного? Когда вы пожелаете, вы говорите так же красиво, как пишут в романах. ¹⁵

¹⁵ Арно – вероятно, Жан Этьен Гийом Арно (1807—1863) – французский композитор, автор многочисленных романсов.

– Вас и впрямь нельзя упрекнуть в лести. Мои достоинства вы явно недооцениваете, – ответила девушка, подчеркивая последние слова ироничной улыбкой. – Разве вы не знаете, донна Фирмина, что у меня золотой стиль, наиболее возвышенный из всех возможных, и потому против моего красноречия нельзя устоять? Языком романов, этой низкой прозой, изъясняются только бледные романтические девушки, имеющие обыкновение томно вздыхать. Моя же речь – это поэма, я сама – воплощение поэзии, блистательной и ослепительной.

– Я понимаю, о чем вы; золото все и всех делает красивее и позволяет купить что угодно, даже здоровье. Но заметьте, наиболее преданные почитатели вашей красоты – как раз те, кто не претендует на ваше богатство: одни женаты, другие слишком стары...

– Дона Фирмина, скажите, не кружилась ли у вас голова, когда вы в первый раз почувствовали запах табачного дыма?.. Так вот, золото источает невидимый дым, который опьяняет сильнее, чем тот, что исходит от гаванских сигар или от ужасных папирос, которые курят некоторые юноши. Все люди, окружающие какого-нибудь старого богача, будь то министры, сенаторы или фидалго, конечно же, не хотят жениться на этом мешке с деньгами – их привлекает его состояние.¹⁶

– Прямо сейчас вы в очередной раз доказали, насколько вы умны и рассудительны. Кто бы мог подумать, что девушка в вашем возрасте знает больше, чем многие почтенные мужи, учившиеся в университетах и академиях? И это даже к лучшему, поскольку иначе вы наверняка были бы обмануты.

– Обманута я уже была, – шепнула Аурелия, вновь погружаясь в свои мысли.

Дона Фирмина произнесла еще несколько фраз, но поняла, что Аурелия не обращает на нее ни малейшего внимания; должно быть, девушка не желала отвлекаться от размышлений и стремилась полностью сосредоточиться на них.

Тогда, руководствуясь особым чувством такта, свойственным подобострастным особам, к числу которых относилась донна Фирмина, она встала и отошла на несколько шагов от Аурелии – якобы для того, чтобы посмотреть на алебастровые статуэтки и на фарфоровые вазы, стоявшие на столешнице из красного мрамора.

Повернувшись спиной к Аурелии, сидевшей на кушетке, она больше не пыталась понять причин ее задумчивости. Дона Фирмина знала, что в противном случае девушка наверняка рассердилась бы, когда, закончив размышления, увидела бы, что компаньонка вглядывается ей в лицо, желая по нему разгадать ее тайные мысли.

Но не прошло и пяти минут, как в комнате раздался хрустальный звонкий смех Аурелии, звук которого был хорошо знаком доне Фирмине, часто слышавшей его в последнее время. Обернувшись, она посмотрела на Аурелию, на чьих перламутровых губах играла улыбка, напоминавшая о внезапном смехе.

Очнувшись от размышлений, девушка изменилась, как если бы восковая фигура обратилась в прекрасную мраморную статую и поднялась во весь рост, гордая и величественная, сияя белизной отполированного камня.

Аурелия подошла к окнам и порывистым движением распахнула шторы, которые, казалось, были слишком тяжелы для ее изящных, нежных рук.

Поток света хлынул сквозь оконные стекла и заполнил комнату. Девушка подошла ближе к окнам, чтобы искупаться в струях света, которые падали на ее царственное лицо, обрамленное каштановыми волосами, спадавшими ей на плечи, подобно золотому плащу.

Она упивалась светом. Тот, кто в этот миг посмотрел бы на нее, окруженную сиянием, мог бы подумать, что под складками ее батистового пеньюара трепещет пламенная нимфа, саламандра, в которую вдруг обратилась заколдованная фея.

¹⁶ Фидалго (порт. fidalgo) – человек благородного происхождения.

Насладившись солнечным светом, подобно тому как насыщаются им лепестки мака, приобретающие алый цвет от поцелуев солнца, девушка подошла к фортепиано и резко открыла его крышку. После шумного вихря полутонов, промчавшегося над клавишами, раздались возвышенные звуки арии Нормы, в которой героиня, раскрывая свою ревность, обличает предательство Поллиона.¹⁷

Усмиряя головокружительную музыку и заставляя ее стать аккомпанементом, девушка начала петь, но с первых нот почувствовала, что исполнять арию, сидя за фортепиано, ей неудобно. Тогда она встала и, сделав несколько шагов, от которых полы ее пеньюара развевались, подобно галльской тунике, вышла в центр комнаты. Вжившись в роль Нормы, она голосом и жестами выразила драму обманутого сердца, которую раньше видела в исполнении Лагранж.¹⁸

Гнев преданной женщины, ярость раненой львицы никогда прежде не были выражены более волнующим голосом и более возвышенными жестами, как бы великолепны ни были оперные дивы, ранее исполнявшие арию Нормы. Слова, срывавшиеся с губ Аурелии, были полны силы и гармонии и жалили, подобно змее, особенно если девушка сопровождала их внезапным взмахом нежной руки, тем самым выражая крайнее негодование.

Даже донна Фирмина, прекрасно знавшая, насколько неординарен характер Аурелии, тогда смотрела на нее с удивлением, подозревая, что в жизни девушки произошло нечто очень необычное и важное, чем объяснялись как задумчивость Аурелии, так и порыв чувств, овладевший ею.

С той же стремительностью, с какой прежде она встала с кушетки, Аурелия подбежала к доне Фирмине и схватила ее за запястье, словно представляя, что перед ней Поллион. Так сцена внезапно приобрела комический оттенок и закончилась смехом Аурелии и ее компаньонки.

¹⁷ Ария Нормы – ария из оперы Винченцо Беллини «Норма» (1831), одна из самых известных и сложных в репертуаре сопрано.

¹⁸ Анна Каролина Лагранж (1825—1905) – знаменитая в свое время французская оперная певица. С 1858 по 1860 год выступала в Южной Америке.

III

Наступило время завтрака. Девушка и ее компаньонка разместились за столом. Благодаря своей природе и воспитанию Аурелия была умеренна в еде. Это, впрочем, не означает, что она относилась к числу девушек, которые напоминают бабочек, питающихся цветочным нектаром, и считают приемы пищи чем-то недостаточно утонченным и слишком приземленным.

Напротив, Аурелия понимала, что хорошее питание необходимо для красоты и что без него здоровый румянец ее щек исчезнет, а губы лишатся улыбки, подобно тому как увядают нежные лепестки роз. Поэтому за едой девушка не смущалась; она полагала, и не без основания, что во время трапезы ее белые зубы, подобные жемчужинам, не теряют блеска, а губы не утрачивают приятного цвета, когда она подносит к ним дольку фрукта.

Однако на этот раз Аурелия не соблюдала привычной умеренности; хотя она не любила острого и только иногда выпивала несколько капель ликера, теперь она решила попробовать все специи и приправы, какие только были в доме, и завершила трапезу бокалом хереса.

Дона Фирмина, сама не забывая позавтракать, наблюдала за девушкой и все больше убеждалась в том, что в жизни Аурелии произошло некое значимое событие, которое лишило ее свойственного ей спокойствия. Дона Фирмина считала, что это было одно из тех событий, которые оказывают сильное воздействие на любую восемнадцатилетнюю девушку, особенно если она предоставлена самой себе. Вдова не сомневалась, что гордая Аурелия влюбилась, и ей не терпелось узнать имя счастливицы, завоевавшего сердце королевы высшего света, столь же обожаемой, сколь холодной и безразличной к своим поклонникам.

Дона Фирмина перебрала в памяти события вчерашнего вечера, стараясь вспомнить, не появлялся ли на балу какой-нибудь незнакомец, в которого Аурелия могла бы влюбиться с первого взгляда. Но подобный юноша ей не вспомнился, и она решила, что по необъяснимой причине сердце Аурелии покорилося одному из ее давних поклонников, над которым раньше она лишь насмеялась.

Будучи не в силах сдержать свое любопытство, вдова, рискуя рассердить девушку, обратилась к ней, чтобы начать разговор, а потом направить его в нужное русло и узнать то, что интересовало ее больше всего.

– Вы сегодня необыкновенно красивы и веселы, Аурелия! Не знаю, возможно ли это, но вы превосходите саму себя!

– Может быть, и так!

– Я говорю как есть. Послушайте, Аурелия, девушки прихорашиваются, когда готовятся к балу, на котором хотят встретить кого-то особенного. Вы же сегодня красивее, чем на любом балу. Прежде я никогда не видела вас столь прекрасной. В этом точно есть какая-то тайна...

– Хотите узнать ее? – спросила Аурелия, улыбаясь.

– Я не настолько любопытна, – сказала вдова, заметив ироничную улыбку Аурелии.

– Я решила уйти в монастырь.

– Воля ваша!

– Но моим монастырем будет не что иное, как свет, к которому мы с вами принадлежим, потому что ни в одном другом монастыре от меня не станут так строго требовать самоотречения и усмирения чувств.

Опровергнув серьезность своих слов звонким смехом, Аурелия покинула столовую, оставив одну дону Фирмину, пораженную тем, что столь богатую и красивую девушку, которая является предметом всеобщего обожания, посещают такие мысли и что она высказывает их, пусть даже в шутку.

Аурелия села за письменный стол из дерева арариба, украшенный позолоченной бронзой, и написала письмо в несколько строк. Она сложила исписанный лист бумаги, поместила его

в конверт, расплавила сургуч и запечатала письмо, намеренно делая все это очень аккуратно и сосредоточенно. Либо ее письмо предназначалось тому, кто был ей особенно дорог, либо, проявляя подобную старательность, она стремилась заглушить сомнения, охватившие ее, когда она выполняла свое намерение, в котором прежде была уверена. Написав адрес на конверте, девушка достала из потайного ящика стола сандаловую шкатулку, инкрустированную слоновой костью.¹⁹

В ней среди писем и засушенных цветов Аурелия нашла визитную карточку, пожелтевшую от времени. Девушка достала ее и убрала в бархатный бумажник, который положила в карман платья.

Она звонила в колокольчик, и тотчас в комнату вошел слуга. Аурелия с непринужденным видом передала ему письмо, сказав коротко и резко, словно боясь отступить от принятого решения в последний момент:

– К сеньору Лемосу! Срочно!

Отдав это распоряжение, Аурелия почувствовала такое спокойствие, которое наступает в душе, когда в ней унимаются бури. Наконец она решила вопрос, от которого зависела ее жизнь; не полагаясь на волю случая и не позволяя водовороту светской суеты увлечь себя, она нашла в себе душевные силы, чтобы взять происходящие события под свой контроль и распорядиться собственным будущим так, как она считала нужным.

Именно поэтому Аурелия обрела спокойствие, вновь придавшее ее красоте нежное выражение смиренной печали.

Дона Фирмина, как это обыкновенно бывало, ждала решения Аурелии относительно того, как они проведут утро. В обязанности донья Фирмины не входило ничего, кроме как угождать девушке, составлять ей компанию и выполнять любые ее пожелания и капризы. За это компаньонка, помимо уважительного к ней отношения, ежемесячно получала неплохое жалование, которое откладывала на тот случай, если для нее снова наступят трудные времена, подобные тем, что ей пришлось пережить после смерти мужа.

– Аурелия, сегодня вы предпочитаете остаться дома?

– Может быть. Но, если у вас другие планы, я не желаю, чтобы вы отказывались от них из-за меня.

– Вы хотите побыть одна?

– Мне есть чем занять время. У меня появилось одно серьезное дело! – ответила девушка с улыбкой.

– Вы уже решили исполнить какой-нибудь обет?

– Нет. Скорее это мой постриг.

Аурелия засмеялась, и как раз в тот момент слуга объявил о приезде сеньора Лемоса, которого он тотчас пригласил в комнату.

– Ваше послание застало меня в пути – я ехал в Ботафого; Жозе остановил меня, когда я был на проспекте Машадо. И вот я к вашим услугам, Аурелия.²⁰

Сеньор Лемос, невысокий старик, чрезмерной тучностью не отличался, но был круглобким, словно китайская ваза. Несмотря на полноту, ему были свойственны живость, резвость и подвижность, которые подчеркивали неутомимый задор, читавшийся в его маленьких блестящих глазках. В нем сразу можно было узнать одного из тех весельчаков, которые никогда не прочь от души посмеяться.

После того как Лемос, приходившийся Аурелии дядей, получил в суде официальное право опеки над ней, произошел один примечательный случай, который определил, какими будут отношения между опекуном и подопечной. Старик хотел, чтобы девушка жила вместе

¹⁹ Арариба – порода дерева, которая используется в Южной Америке для изготовления мебели.

²⁰ Ботафого – район Рио-де-Жанейро.

с его семьей. Однако Аурелия не согласилась и заявила, что будет жить в собственном доме с компаньонкой доной Фирминой Маскареньяс.

– Учтите, дорогая, что вы еще не достигли совершеннолетия.

– Мне восемнадцать лет.

– Только по достижении двадцати одного года вы получите право самостоятельно принимать решения и распоряжаться своим будущим.

– Вы так считаете? Что ж, тогда я обращусь в суд, и мне назначат другого опекуна, который будет более сговорчив.

– Как вы намереваетесь этого добиться?

– Я найду аргументы, которые заставят судью прислушаться ко мне.

Принимая во внимание решительность, с которой девушка произнесла эти слова, Лемос подумал, что с его стороны будет благоразумнее не идти против ее воли. Мысль о том, что Аурелия обратится в суд с просьбой о назначении ей другого опекуна, Лемосу нисколько не нравилась. Он понимал, что у богатых и красивых девушек быстро появляются влиятельные покровители.

Поприветствовав Лемосу, дона Фирмина сразу ушла, оставляя Аурелию наедине с ее опекуном. Как бы ни хотелось компаньонке присутствовать на встречах, во время которых Лемос отчитывался перед Аурелией об управлении ее имуществом, это было невозможно, потому что, проявляя крайнюю осмотрительность, девушка никого не посвящала в то, что она называла «своими делами».

– Прошу вас, дядюшка! – сказала Аурелия, открывая створку двери, ведущей в элегантно обставленный кабинет. В центре него располагался овальный стол из клена, покрытый синей тканью с алой бахромой. На столе стоял серебряный поднос, на котором находились чернильница и прочие письменные принадлежности.

Когда Аурелия вслед за дядей хотела зайти в кабинет, у входа в столовую появилась Бернардина, старушка, которую девушка поддерживала деньгами. Бернардина скромно стояла в дверях и ждала, пока Аурелия позволит ей войти.

Заметив ее, Аурелия с вопросительным взглядом приблизилась к ней.

– Я хотела заглянуть вчера, – шепнула старушка. – Но меня разобрал ревматизм... Мне нужно сказать вам, что приехал тот, кого вы ждали.

– Я уже знаю!

– Ах! Кто же вам рассказал? Он вернулся вчера около полудня.

– Проходите! – Аурелия оборвала разговор, указывая старушке на коридор, ведущий во внутренние залы. Сама же она вошла в кабинет и изнутри закрыла за собой дверь. Лемос заметил это и, судя по серьезному виду Аурелии, понял, что их встреча имеет особое значение.

«Что же она задумала на этот раз?» – подумал Лемос.

Аурелия села за стол и предложила дяде расположиться в кресле напротив.

IV

Любой, кто посмотрел бы на Аурелию в тот момент, заметил бы, что ее прекрасное лицо приобрело новое выражение и что весь ее облик изменился.

Это выражение, ледяное, невозмутимое и непоколебимое, придавало ее красоте холодность мраморной статуи. Однако взгляд ее больших карих глаз отражал сияние ума. В ней происходила разительная перемена: переставая прислушиваться к сердцу, в котором сосредоточена вся сущность женщины, она отдавала предпочтение разуму, доводами которого обычно руководствуются мужчины. В подобные моменты ее ум приобретал необыкновенную остроту, что поражало Лемоса до мозга костей, добраться до которого было непросто в силу природной тучности старика.

Если говорить серьезно, всех, кто мало знал Аурелию, удивляли, а ее опекуна – пугали пронизательность, с которой юная девушка решала самые непростые вопросы, обширность ее познаний в финансовой науке и способность производить сложнейшие математические расчеты, нередко делая вычисления в уме.

Однако в Аурелии не было и тени нелепого дилетантизма, присущего девушкам, которые, пролистав несколько серьезных книг и получив поверхностное представление о том, что в них изложено, принимают за рассуждать обо всем на свете.

Она не выставляла своих знаний напоказ, применяя их, только когда это действительно требовалось для достижения ее целей. В противном случае никто не слышал, чтобы она обсуждала финансовые сделки или высказывала свое мнение о чем-либо, что обычно не входит в круг интересов молодой незамужней девушки.

Лемос чувствовал себя не в своей тарелке, он утратил свой безудержный задор, придававший ему вид легкомысленного весельчака. По тому, насколько серьезным был тон начинавшейся встречи, Лемос, как человек, умудренный опытом, догадался, что ее последствия могут быть очень значительны.

Он весь обратился в слух, не упуская ни единого слова Аурелии.

– Простите, что я потревожила вас, дядюшка, но мне необходимо обсудить с вами один вопрос, для меня очень важный.

– Очень важный? – повторил Лемос, качая головой.

– Да. Вопрос о моем замужестве! – ответила Аурелия, приняв наиболее холодный и равнодушный вид.

Старик подскочил в кресле, точно резиновый мяч. Желая скрыть свое смятение, он быстро потер одну руку о другую; такой жест он делал всегда, когда был крайне взволнован.

– Вы считаете, что мне еще рано задумываться об этом? – спросила девушка.

– Отнюдь. Вам уже восемнадцать лет...

– Девятнадцать.

– Как? Девятнадцать? Разве вам уже исполнилось девятнадцать?.. Многие выходят замуж в этом возрасте, а некоторые и раньше. Но это когда матушка или батюшка подбирают им хорошего жениха и отваживают от них всяких проходимцев. Девушке, не имеющей жизненного опыта, сироте, я не советовал бы выходить замуж прежде, чем она достигнет совершеннолетия и лучше узнает мир...

– Я уже слишком хорошо его знаю, – ответила девушка все тем же серьезным тоном.

– Так, значит, вы уверены в своем решении?

– Настолько уверена, что сегодня пригласила вас на эту встречу.

– Понимаю! Вы хотите, чтобы я подобрал вам подходящего жениха... Хм... Непросто найти молодого человека, который будет под стать такой девушке, как вы, Аурелия. Что ж, придется мне постараться!

– В этом у вас нет необходимости. Я уже сделала свой выбор!

Для Лемоса это стало еще одним ударом, от которого он вновь подскочил в кресле.

– Как же так? У вас есть кто-то на примете?

– Простите, дядюшка, я не понимаю вашей фигуры речи. Я хотела сказать, что выбрала мужчину, за которого должна выйти замуж.

– Ясно. Но не забывайте, что я ваш опекун и что вам необходимо мое согласие.

– Конечно, я это знаю; но ведь вы не будете ко мне жестоки и не откажете мне в нем? Иначе я буду вынуждена обратиться в суд, и вас лишат права опеки надо мной.

– В суд? И как такие мысли приходят к вам в голову?

– Сеньор Лемос, – сказала девушка с расстановкой, бросая ледяной взгляд на удивленное лицо старика. – Мне исполнилось девятнадцать лет. Я могу обратиться в суд с просьбой о досрочном признании моей дееспособности, доказав которую я, несмотря на ваше несогласие, получу разрешение выйти замуж за того, за кого сочту нужным. Если этих юридических аргументов вам недостаточно, я приведу еще один, личного характера.

– В чем же он заключается? – спросил старик, чтобы нарушить гнетущую тишину.

– Такова моя воля. Вы не знаете, чего мне стоит это решение, но клянусь вам, чтобы осуществить его, я могла бы пожертвовать всем наследством, доставшимся мне от деда.

– Подобные мысли свойственны людям вашего возраста! Так рассуждают разве что в девятнадцать лет, и то в наше время далеко не все.

– Вы забываете, что из этих девятнадцати лет восемнадцать я прожила в крайней бедности, а один в роскоши, в которую окунулась так внезапно. Мир преподал мне два больших урока: урок нищеты и урок богатства. Когда-то деньги представлялись мне властелином, теперь они – мой послушный раб. В этом смысле я старше вас, потому что вы никогда не знали ни такой бедности, в которой я жила, ни такого богатства, которое принадлежит мне теперь.

Лемос удивленно смотрел на девушку, когда та говорила ему об уроках этого мира, исполненных неизвестной ему философии.

– Мое богатство было бы бесполезным, – продолжила Аурелия, если бы оно не давало мне возможности выйти замуж за своего избранника, тем более если для этого надо всего-навсего расстаться с несколькими ничтожными конто.

– В этом и кроется вся сложность, – сказал Лемос, который давно уже обдумывал возможные возражения. – Конечно же, вам хорошо известно, что как ваш опекун я не могу потратить ни одного винтена без согласия суда.²¹

– Кажется, вы не хотите меня понять, дорогой опекун, – ответила девушка, и в ее голосе зазвучали нотки раздражения. – Помимо того, о чем вы говорите, мне известно и многое другое, хотя об этом мало кто догадывается. Например, я знаю, какие дивиденды приносят акции, каковы ныне банковские ставки и биржевые котировки, а еще я могу вычислить сложный процент с безошибочной точностью.

У Лемоса голова пошла кругом.

– И наконец, мне известно, что все, чем владел мой дед, теперь принадлежит мне, как указано в его завещании, которое он передал мне собственноручно.

Теперь лицо старика Лемоса из багрового сделалось белым, что было пугающим признаком, учитывая его толстокожесть и тучность, от которой на нем едва сходилась его черный фрак.

– А это означает, что если мой опекун будет чинить мне препятствия и вызывать мое неудовольствие, то по достижении совершеннолетия я не выдам ему чек на получение положенной ему суммы, пока не сделаю проверки счетов, которыми он распорядился от моего имени. Поверьте, для этого у меня найдется и адвокат, и бухгалтер.

– Да, сеньора. Вы имеете на это полное право, – ответил сокрушенный Лемос.

²¹ Винтен – бразильская мелкая монета достоинством в 20 реалов.

– Что же, значит, мне повезло, что у меня такой замечательный опекун, который всегда готов пойти мне навстречу. Не так ли, дядюшка?

– Именно так! Совершенно верно!

– В таком случае, чтобы не тратить даром времени и не докучать вам юридическими и финансовыми вопросами, предлагаю считать, что мы друг друга поняли. Кроме того, вы ничего не получаете за опеку надо мной. Это неправильно, если у подопечной более чем достаточно средств, чтобы вознаградить труд опекуна.

– Нет-нет, Аурелия. В этом я с вами не соглашусь. Опека над вами – мой священный долг, который я исполняю в память о моей незабвенной сестре!

Лемос смахнул слезинку, которую ему удалось из себя выдавить, хотя казалось, будто он плакал искренне. При упоминании о матери Аурелия резко встала и подошла к окну, словно желая посмотреть, что за ним происходит.

Когда она вернулась на свое место, Лемос уже успел оправиться от пережитых потрясений: он вновь выглядел непринужденно, свежо, бодро и весело.

– Так, значит, мы договорились? – спросила девушка с неизменной серьезностью, с которой вела весь этот диалог.

– Вы просто колдунья – заставляете меня делать все, что вам угодно.

– Подумайте хорошо, дядюшка. Я открою вам тайну, которой не знает никто в мире. Никто, кроме Господа Бога. Если, узнав ее, вы откажетесь или не сможете мне помочь, я никогда не сумею вам этого простить.

– Не тревожьтесь, Аурелия. Я докажу, что заслуживаю вашего доверия.

– Я вам доверяю, сеньор Лемос, и, чтобы у вас не осталось ни малейшего сомнения насчет важности моих слов, памятью матери клянусь вам, что все мое счастье зависит лишь от того, сумеете ли вы исполнить мою просьбу.

– Я в вашем распоряжении.

Аурелия на мгновение замолчала.

– Вы знаете Амарала?

– Которого из них? – спросил Лемос в недоумении.

– Мануэла Тавареса ду Амарала, таможенного служащего, – сказала девушка, смотря в свою записную книжку. – Будьте любезны записать. Небогат, но кое-какое состояние у него есть. Он готов отдать свою дочь Аделаиду замуж за одного молодого человека, который на некоторое время уезжал из Рио-де-Жанейро. Женившись на ней, он получит тридцать конто.

Когда Аурелия произносила эти слова, ее голос, прежде звучавший очень уверенно, дрогнул, после чего она заговорила более резким тоном.

Лемос вновь побагровел от смущения и, чтобы скрыть его, нервно потрянул головой, расстегивая ворот рубашки, который, казалось, душил его.

На мгновение Аурелия остановила свой холодный взгляд на Лемосе, а затем невозмутимо перевела его на страницу записной книжки, давая опекуну время прийти в себя. Лемос угадал это – он хорошо знал подобные приемы, к которым нередко прибегают в свете.

– Тридцать конто? Неплохо для начала! – заметил он.

Аурелия продолжила:

– Нужно расстроить этот брак. Аделаида должна выйти замуж за доктора Торквато Рибейро, которого она любит. Он беден, поэтому отец девушки не позволил ему взять ее в жены. Но как вы считаете: если убедить сеньора Амарала в том, что у юноши есть состояние в пятьдесят конто или около того, даст ли он ему согласие на брак? ²²

– Предположим, Амарала мне удастся убедить. Только где взять эти деньги?

– Я предоставлю необходимую сумму с большим удовольствием.

²² Доктор – в Португалии и Бразилии обращение к человеку, имеющему высшее образование.

– Но, моя дорогая, к чему нам вмешиваться в чужие дела?

– Вы достаточно умны, сеньор, чтобы понять. Я ничего не стану скрывать от вас, потому что ни на мгновение не сомневаюсь в вашей преданности.

Следующие слова девушке было трудно произносить.

– Жених Аделаиды Амарал – именно тот мужчина, которого я выбрала в мужа. Поскольку принадлежать двум женщинам одновременно он не может, мне необходимо за него побороться.

– Можете на меня положиться! – сказал старик Лемос, потирая руки так, словно предвидел, что получит хорошее вознаграждение за свои старания.

– Этот мужчина...

– Назовите мне его имя, – попросил Лемос, опуская перо в чернильницу.

Аурелия сделала знак рукой, указывая, что Лемосу нужно подождать.

– Этот мужчина вчера вернулся в Рио-де-Жанейро; сейчас, скорее всего, он занят подготовкой к свадьбе, решение о которой было принято около года назад. Вам следует встретиться с ним как можно скорее.

– Я сделаю это сегодня же.

– Вам нужно предложить ему условия другого брака. В Рио-де-Жанейро такое происходит часто, не так ли?

– Каждый день!

– Вам лучше знать, как решаются подобные вопросы.

– Ну-ну...

– Мне нужно предупредить вас: вы не должны называть ему моего имени.

– Ах! Вы хотите сохранить инкогнито?

– Да, пока не состоится первая встреча с женихом. До этого вы только можете дать ему понять, что невеста не старуха и не калекка.

– Все ясно, – ответил Лемос, смеясь. – Вы хотите устроить романтическую свадьбу.

– Вовсе нет, дядюшка. Итак, вы не должны раскрывать подробностей. Вам следует упомянуть только, что девушка, о которой идет речь, не стара и не дурна собой.

– Хотите сделать сюрприз?

– Может быть. А теперь условия брака...

– Позвольте! Если вы желаете оставаться неизвестной, возможно, мне лучше не участвовать в сватовстве лично?

– Я бы предпочла, чтобы мы обошлись без посредников. Если он узнает в вас моего дядю и опекуна, разве не сможете вы убедить его в том, что я не имею никакого отношения к обсуждаемому браку и что вы хотите выдать замуж одну свою дальнюю родственницу?

– Отлично придумано! С этим-то я справлюсь, можете быть спокойны.

– Условия брака таковы – слушайте внимательно: семья таинственной незнакомки ищет для нее жениха и дает за нее приданое в сто conto. Если этого будет мало и жених попросит больше, предложите двести...

– Ста conto должно быть достаточно. Не сомневайтесь.

– Как бы то ни было, я хочу, чтобы вы поняли мои намерения. Очевидно, чем выгоднее я приобрету то, что мне необходимо, тем лучше. Однако для меня самое главное – приобрести, цена второстепенна; о ней я не стану задумываться, если она не превышает половины моего состояния. Я покупаю не что иное, как свое счастье.

Эти последние слова девушка произнесла многозначительно.

– Не слишком ли высокую цену вы за него заплатите?

– О! – воскликнула Аурелия. – За него я бы отдала и все свое состояние. Кому-то счастье достается даром – им оно ниспослано свыше; кому-то, но не мне. Хотя мне грех жаловаться, потому что, не дав мне такого счастья, Господь все же смилостивился надо мной и даровал

мне огромное наследство, которое позволит мне исполнить мою самую сокровенную мечту. Не случайно же говорят, что деньги могут любого сделать счастливее?

– Счастливчик тот, у кого они есть, – сказал Лемос как человек, сведущий в этом вопросе.

Аурелия, на мгновение позволившая чувствам взять над собой вверх, вернулась к своему прежнему холодному и рассудительному тону, с которым с самого начала встречи говорила о своем будущем.

– Мне осталось обсудить с вами, дядюшка, всего одну подробность. Слова не только имеют обыкновение забываться, но и бывают весьма двусмысленны. Не могли бы оформить договоренность о свадьбе письменно?

– Вы хотите, чтобы жених выразил свое согласие на бумаге?.. Конечно, это возможно, но все же не гарантирует, что он сдержит слово, и не дает законных оснований обязать его на вас жениться.

– Это не имеет значения. Я предпочитаю полагаться на его честь, а не на суд. Мне достаточно, чтобы он письменно подтвердил, что обязуется вступить в брак.

– В таком случае надо получить от него соответствующую бумагу.

– Надеюсь, в этом вы мне поможете по дружбе.

Лемос сделал вид, что не заметил иронии, с которой Аурелия произнесла слова «по дружбе». Он взял лист со своими записями и посмотрел его на свет.

– Итак, что у нас получается... Таварес ду Амарал, таможенный служащий... Его дочь – донна Аделаида, приданое тридцать конто... Доктор Торквато Рибейро... передать пятьдесят конто... Другой мужчина... от ста до двухсот конто. Не хватает только имени последнего.

Аурелия достала из бумажника визитку и передала ее опекуну. Тот уже собрался произнести написанное на ней имя вслух, но Аурелия не позволила ему сделать этого, коротко сказав повелительным тоном, какой иногда был ей свойственен:

– Запишите!

Старик Лемос переписал имя и адрес, указанные на визитной карточке.

– Это все?

– Все. Только, повторяю, от вас зависит, станет ли возможной единственная радость, которую оставил мне на этом свете Господь Бог.

Девушка произнесла эти слова с такой глубокой убежденностью, что против них оказался бессилён добродушный скептицизм Лемоса.

– Вы будете очень счастливой. Я вам обещаю.

– Сделайте возможным счастье, о котором я так мечтаю, и тогда вы получите щедрое вознаграждение.

– Вы можете на меня рассчитывать, Аурелия.

Старик Лемос пожал руку Аурелии, чьи последние слова глубоко его тронули, и удалился. Вернувшись домой, он еще долго не мог прийти в себя после пережитых потрясений.

V

Когда-то на Богадельной улице, ближе к площади, стоял один дом, который позднее был разрушен в ходе последней перестройки района. Фасад того дома украшали три окна с наличниками: два в гостиной и одно в кабинете, расположенном рядом с ней.²³

И внешний вид здания, и внутреннее убранство комнат свидетельствовали о бедности хозяев дома. В гостиной из мебели были диван, шесть стульев и два столика из жакаранды, на которых не осталось и следа лака. Обои на стенах из белых сделались желтыми, а в некоторых местах были заметны следы аккуратной починки.

Подобным образом выглядел и кабинет. Поклеенные там обои, некогда синие, выцвели и приобрели цвет старой бумаги. Комод из кедра, который использовался также в качестве бюро, шкаф из виньятику, письменный стол, металлическая кушетка, закрытая зеленой противомоскитной сеткой, – все эти предметы имели вид потертый, но опрятный. На стенах нельзя было заметить ни одной паутины, а на мебели – ни пылинки. Деревянный пол весь пошел щелями, но на разошедшихся досках не было ни пятнышка.²⁴

Особенностью всего дома был разительный контраст между скромностью обстановки комнат и некоторыми находившимися там личными вещами, которые принадлежали одному из обитателей дома. Так, на спинку старого стула из жакаранды был небрежно брошен черный фрак такой прекрасной ткани, такого элегантного кроя и такой тонкой работы, что в нем сразу узнавался шик дома Ронье, уже тогда модного портного.

Рядом с фракком были остальные элементы бального наряда, вышедшие из-под ножниц того же Ронье, а также элегантный цилиндр, изготовленный лучшим парижским мастером, жувеневские перчатки соломенного цвета и пара ботинок, которые только Кампа мог сделать для своих любимых клиентов.

На сервантах располагались коробки с гаванскими сигарами самых престижных марок, какие только можно было найти в продаже. Такие сигары в то время во всей империи могли себе позволить не больше десятка истинных любителей курения.

На старом плетеном диване лежала синяя, вышитая золотом атласная подушечка с бахромой. Даже самые роскошные гостиные Рио-де-Жанейро не могли похвастаться такой изящной вещью, выполненной нежными руками аристократки.

В спальне на жалком бюро, покрытом выцветшей тканью и заваленном книгами, в большинстве своем романами, теснились пустые позолоченные бронзовые чернильницы, портсигары на любой вкус, пепельницы с тонким узором и другие безделушки.

Крышка комода напоминала прилавок парфюмерного магазина. На ней располагались не только всевозможные гребни и щетки, какими пользуются модники, но и флаконы с разнообразными французскими и английскими мужскими духами, по этикеткам на которых можно было определить, какие были от Бернардо, а какие – от Льюиса.

В углу спальни находилась целая коллекция зонтов и тростей, среди которых были весьма дорогие. Многие из них хозяин дома получил в подарок, так же как и вещицы из бронзы и яшмы, которые были небрежно брошены под стол, хотя стоили они больше, чем вся мебель в доме.

Любой заметил бы в этом контрасте свидетельство противоречия между публичной и частной жизнью человека, занимавшего эту половину дома. В то время как сам дом и его обстановка указывали на нехватку средств или даже нужду, которую испытывали его обита-

²³ Богадельная улица (порт. Rua do Hospício) – улица в Рио-де-Жанейро, на месте которой сейчас находится улица Буэнос-Айрес.

²⁴ Виньятику – дерево, произрастающее в Южной Америке, а также получаемая из него древесина.

тели, одежда и безделушки, казалось, принадлежали богатому аристократу, представленному ко двору.

Свойственный дому контраст повторялся в его жилище Сейшасе, который в тот момент, с ногами расположившись на диване, читал утреннюю газету, положив ее на согнутые колени, как на подставку для книг.

Ему еще не исполнилось тридцати лет. Правильные черты, белая ровная кожа, мягкая каштановая бородка делали его лицо благородным и приятным. Его большие лучистые глаза бывали исполнены искренней нежности, а если загоралась любовью, то перед их блеском не могла устоять ни одна женщина. Верхнюю губу Сейшаса окаймляли усы, элегантные и вместе с тем придававшие его лицу серьезность и мужественность.

Даже такая небрежная поза не могла скрыть статности его фигуры. Он был высокого роста, стройным, но не худым. Его ступни, тогда обутые в домашние туфли, были длинными и узкими и имели высокий подъем, что придавало им аристократический вид.

Одетый в халат из бумазеи, не сочетавшийся с камлотовыми туфлями, украшенными вышивкой, Сейшас выглядел как человек, только вставший с постели. Жесткая щетка еще не касалась его волос, и они элегантно волнились.

Несколькими минутами ранее Сейшас умылся и, надев халат, направился в гостиную, а по пути туда подошел к двери, выходящей на лестницу, чтобы взять утреннюю газету. Он принадлежал к числу тех, кто считает, что останется в неведении и с пустой головой, если, проснувшись, не расшевелит свой дух этими полотенцами, которыми цивилизация вытирает лицо публике каждое утро.

Лежа на диване, Сейшас перевернулся на живот, чтобы ему удобнее было читать. Машинально он пробежал глазами заголовки статей, желая найти новость, которая пробудила бы его любопытство, притупленное после утомительной бессонной ночи.

И вот у двери в гостиную появилась женская фигура. Девушка заглянула в комнату и спросила:

– Братец, ты уже встал?

– Входи, Марикиньяс, – ответил юноша.²⁵

Девушка подошла к дивану и наклонилась к брату, который, не меняя своего положения, приблизил к себе ее голову, чтобы поцеловать в щеку.

– Хочешь кофе, братец?

– Хочу.

Через несколько мгновений девушка вернулась с чашечкой кофе. Пока Сейшас, приподнявшись с дивана, маленькими глотками пил ароматный напиток, столь любимый поэтами-сибаритами, она сходила в его спальню за сигарой лучшей марки и зажгла спичку.

По тому, как она делала все это, можно было понять, что ей прекрасно знакомы привычки брата, который, подобно знатной особе, начинал утро с кофе и сигары.

Изнеженный юноша принимал заботу сестры, как султан принимает заботу одалиски. Сейшас настолько привык к тому, что его окружают вниманием, что уже не благодарил сестру и даже считал, что, позволяя ухаживать за собой, он оказывает ей любезность.

Когда брат закурил сигару, Марикиньяс села на краешек дивана рядом с ним.

– Тебе понравился бал, братец?

– Нисколько.

– В этот раз он закончился так поздно. Ты вернулся уже в третьем часу ночи.

– Да, весь вечер был потрачен впустую; лучше бы я остался дома и восстановил силы после бессонных ночей, проведенных на борту корабля.

– Ты прав, наверное, не стоило ехать на бал сразу после долгого плавания.

²⁵ Марикиньяс – уменьшительно-ласкательное от Мария.

Юноша следил взглядом за тем, как поднимается кольцо дыма от его сигары, пока оно не растворилось в воздухе.

– А знаешь, кого я вчера видел? Кого по праву назвали королевой бала?.. Аурелию!

– Аурелия... – повторила девушка, стараясь вспомнить, кто это.

– Ты не помнишь ее?.. Посмотри!

Закинув левую ногу на правую, он жестом изящной белой руки указал сестре на камлотовую туфлю.

– Ах! – воскликнула Марикиньяс. – Знаю, знаю. Это та девушка, которая жила в районе Лапа?

– Она самая.

– Тебе она очень нравилась, братец.

– Она была самой большой любовью моей жизни, Марикиньяс.

– Но ты забыл ее ради Амаралзиньи, – заметила сестра с улыбкой.

Сейчас медленно и меланхолично покачал головой. Наступила тишина, не нарушая которой сестра сочувственно смотрела на брата, раскаиваясь в том, что напонила ему об этой давней драме. Через некоторое время живым и бодрым тоном Фернандо сказал:

– Вчера в Казино Аурелия была ослепительна, Марикиньяс! Ты даже не представляешь, как она хороша! Вы, женщины, похожи на цветы: одни наиболее прекрасны в сумраке ночи, другим же для этого необходим яркий солнечный свет. Аурелия подобна последним: она была рождена не для того, чтобы оставаться в тени. Я это предчувствовал! Когда я любовался ею в маленькой гостиной на первом этаже дома на улице Санта-Тереза, она казалась мне королевой в изгнании. Королевой, которой не хватало тиары, трона, блеска украшений, покорных подданных... Господь создал ее для жизни в роскоши.

– Теперь она богата?

– Неожиданно она получила наследство... Кажется, от деда. Мне не объяснили толком. Знаю одно: ей досталось около тысячи конто.

– А ведь прежде ты ей тоже очень нравился, братец! – сказала девушка, вкладывая в эти слова такой скрытый смысл, который Сейчас сразу разгадал.

Он взял сестру за руку.

– Аурелия для меня потеряна навсегда. Любой из поклонников, окружавших ее в Казино, может претендовать на ее руку и сердце, пусть даже он рискует быть отвергнутым. У меня же такого права нет. Я единственный, кто его лишен.

– Почему, братец? Это из-за Амаралзиньи, на которой, говорят, ты женишься?

– Еще ничего не решено, Марикиньяс, и ты это знаешь. Причина в другом.

– В чем же?

– Позже... Я расскажу тебе позже...

В разговор брата и сестры вмешался третий голос.

– Можешь сказать и сейчас, братец, – я уже ухожу. Мне ни к чему знать ваши секреты, – сказала девушка, которая только вошла в гостиную и услышала последние слова беседы.

– Подойди ко мне, Никота, и я расскажу тебе на ушко свой секрет! – ответил Сейчас, смеясь над недовольством второй сестры.

– Думаю, я этого недостойна. Оставь все свои тайны для Марикиньяс! – ответила изда-лека Никота.

– Почему ты сердишься, Никота? Что плохого в том, что я говорила с Фернандинью? Разве это преступление? В чем я провинилась?

– Я сержусь совсем не поэтому, – ответила Никота со слезами на глазах. – Просто ты обманула меня! Ты сказала, что идешь гладить свое платье, а сама пошла к брату, чтобы первой принести ему кофе, как только он проснется.

– Что ж, я и правда шла гладить, но услышала, как брат открывает дверь... А что тебя задержало?

– Мне нужно было доделать платье для той дамы, которое, как ты знаешь, я непременно должна закончить сегодня. Я просила матушку позвать меня, как только Фернандинью проснется, но она, не услышав насвистывания, с которым он обычно встает с постели, подумала, что он еще спит, утомившись после вчерашнего бала.

Сейчас слушал ее с улыбкой, насмешливой, но вместе с тем полной нежности и некоторой гордости, вызванной тем, что сестры любят его настолько сильно, что соперничают между собой за право первой зайти к нему утром.

– И все же скажи мне, Никота, в чем я провинился, разговаривая с Марикиньяс?

– Тебя я ни в чем не виню, братец. Разве человек виноват, что кто-то ему нравится больше, а кто-то – меньше?

– Ревнивица! – воскликнул Сейшас.

Юноша встал и, выйдя на середину комнаты, приблизился к раздосадованной Никоте, которая стояла, опираясь на спинку стула.

– На меня бесполезно сердиться, я не допущу никакой размолвки между нами. Чем сильнее ты хмуришься и морщишь лоб, тем больше раз я буду целовать тебя, чтобы разгладить эти морщинки, которые тебе совсем не к лицу.

– Ей только этого и надо! – сказала Марикиньяс – теперь ревновала она.

– Что же, давайте разберемся, чем я тебе обидел, – сказал Сейшас, усаживая Никоту на диван рядом с собой. – В чем, по-твоему, я отдал предпочтение Марикиньяс, а не тебе? Разве не разделил я свое сердце поровну между вами?

– Тебе так нравится разговаривать с Марикиньяс, что сегодня ты все утро секретничал с ней.

– Причина твоей обиды в этом? Тогда я попрошу Марикиньяс выйти и столько же, сколько говорил с ней, буду беседовать наедине с тобой. Достаточно ли этого, чтобы ты на меня не обижалась?

На лице Никоты, все еще сердившейся, появилась улыбка, подобная лучу солнца, пробивающемуся сквозь тучи.

– А кофе?

– Ах! И как только мы забыли о кофе? Придется тебе, моя хорошая, принести мне еще одну чашечку, которую я с удовольствием выпью. И еще одну сигару – я выкурю ее до половины, так же как эту. Кажется, это все. Или мы еще что-то упустили?

Веселость и нежность Сейшаса не только рассеяли обиду Никоты, но и примирили двух сестер, которые были очень дружны и ссорились, только когда ревновали обожаемого брата одна к другой.

VI

Рожденный в семье государственного служащего, Сейшас потерял отца в восемнадцать лет и был вынужден оставить учебу в университете Сан-Паулу, поскольку его мать не имела возможности вносить ежемесячную плату за его обучение.

Тогда он был на третьем курсе юридического факультета, и, если бы природа наделила его не только привлекательной внешностью, но и целеустремленностью, а также силой воли, он мог бы преодолеть трудности и окончить университет; тем более что его однокурсник и друг Торквато Рибейро был готов поддержать Сейшаса, пока его мать не вступит в наследство.

Однако Сейшас привык идти по проторенной дороге, и лишь чрезвычайные обстоятельства могли вынудить его изменить привычный образ жизни. К тому же диплом бакалавра права не входил в число его главных устремлений, поскольку его блестящий ум был более склонен к литературе и журналистике.

Ввиду этого Сейшас уступил настойчивости друзей покойного отца, которые помогли ему устроиться на службу в одну контору. И тогда для него началось социальное прозябание, на которое обрекают себя столь многие одаренные молодые люди, посвящая свои лучшие годы рутинным занятиям и страдая от постоянного разочарования. Вынужденный работать конторским служащим, Сейшас не перестал искать более достойное для своего ума поле деятельности и вскоре нашел его в журналистике.

Он устроился в одну из ежедневных газет, издававшихся при дворе; сначала был простым переводчиком, затем составлял сводку новостей, а со временем стал одним из самых видных журналистов Рио-де-Жанейро. Впрочем, его нельзя назвать, как сейчас говорят, именитым, потому что сделать себе имя и снискать славу в нашей стране могут исключительно самодовольные посредственности.

Наследство, оставленное отцом Сейшаса, было невелико, к тому же с обременением в виде залога недвижимого имущества и мелких долгов. После их погашения, процесс которого был долгим и трудным, вступившая в наследство донна Камила, мать Сейшаса, получила двенадцать конто и четырех рабов.

По совету друзей она положила деньги в Сберегательную кассу под проценты. Ежеквартальный доход от вклада, а также средства, полученные от сдачи в аренду двух рабов и от пошива одежды, которым занимались донна Камила и обе ее дочери, уходили на то, чтобы покрыть расходы по дому.

Фернандо хотел направить на ежемесячные платежи часть своего жалования, но и мать, и сестры наотрез отказались. Напротив, они жалели, что из своих денег не могут выделять ему средства на одежду и другие расходы.

Согласно общепринятым представлениям, после смерти отца его единственный сын Фернандо должен был стать опорой семьи, потерявшей кормильца. Однако его мать и сестры полагали иначе и готовы были жертвовать собой ради него. Они делали все возможное, чтобы он был счастлив. Не то чтобы они осознавали это или выражали словами, но их поступки говорили сами за себя.

Такому красивому и одаренному юноше, как их Фернандию, нужно было одеваться со вкусом и по последней моде, нужно было проводить время с товарищами, а не скучать дома — одним словом, он должен был блистать в свете; все это казалось его матери и сестрам не только естественным и справедливым, но и необходимым.

В то время как Фернандо появлялся в театрах, они проводили вечера в столовой, собравшись за столом, вокруг единственной свечи, при свете которой работали допоздна. Чаще всего они оставались одни, и только изредка их скромное жилище посещали гости. Неизменной темой разговоров был Фернандо. Мать и сестры не скупились на похвалы. Каждая делилась

своими догадками относительно того, осуществляются ли те или иные желания или надежды Фернандо, которыми он с некоторых пор делился с родными.

Придет ли его новая пассия на бал; пригласит ли она его на особый, четвертый контрданс, который обыкновенно танцуют со своим избранником, не только потому, что этот танец не принято пропускать, но и потому, что он исполняется в самый разгар бала; признается ли ей Фернандо в своих чувствах и как она примет его признание – вот о чем говорили эти три женщины, лишенные других развлечений и вынужденные трудиться ночи напролет, чтобы заработать на жизнь.

Иногда же они обсуждали визиты Сейшаса к жене одного министра, которому его в скором времени должны были представить. Фернандо хотел заручиться расположением его супруги, чтобы при ее посредничестве получить покровительство министра, которое позволило бы ему добиться повышения по службе. Мать и сестры, которым Сейшас рассказал о своих планах, переживали об их успехе и молились, чтобы все вышло как надо, по простоте душевной даже не догадываясь, что именно заставляло жену министра благоприятствовать Сейшасу.

Таким образом, сам о том не задумываясь, Фернандо вел двойную жизнь, одна сторона которой с каждым днем все сильнее отличалась от другой. Если дома он так же, как мать и сестры, мирился с бедностью, то, появляясь в свете, он приобретал вид богатого человека.

Из роскошного высшего общества Сейшас приносил в домашний круг не только дорогие подарки, но и волнительные известия. Он был очень молод и не подозревал о том, как опасны его слова, способные пробудить в невинных сердцах сестер прежде неизвестные им мечты и тем самым обречь их на мучения. Когда он осознал это, он уже не мог пойти против привычки делиться новостями с сестрами. К счастью, дочери доны Камилы получили редкое в наши дни традиционное и строгое воспитание, которое если не превращает девушку в романтическую натуру, то прививает ей скромность и готовит ее стать хранительницей домашнего очага.

Марикиньяс, старшая сестра Фернандо, со спокойным смирением смотрела, как тают ее юные годы. Если кто-то и вспоминал, что еще одна осень, лучшее время года для свадьбы, проходит, так и не принеся Марикиньяс никаких надежд, это была не она, а ее мать, дона Камила, чье сердце сжималось от тоски, когда она замечала в дочери признаки угасания юности.

Иногда вместе с ней печалился и Фернандо, однако его печаль быстро рассеивалась в суете светской жизни.

Никота, более юная и более привлекательная, еще была в самом цвете лет, ей было около двадцати, но, поскольку она почти не выходила из дома, претендентов на руку и сердце небогатой девушки, лишенной всякого покровительства, найти было непросто. Поэтому дона Камила, будучи хорошей матерью, все больше беспокоилась и за Никоту, боясь, что эта дочь тоже не выйдет замуж и будет лишена радостей семейной жизни.

Когда Фернандо достиг совершеннолетия, дона Камила уступила ему обязанности главы семьи и передала в его управление скромное наследство мужа, которое ей удалось сохранить, несмотря на то что часть его была потрачена на выплату долгов.

Проценты по вкладу в Сберегательной кассе и доход от сдачи в аренду рабов приносили от 125 до 150 мильрейсов в месяц. Поскольку ежемесячные расходы составляли около 150 мильрейсов, три женщины восполняли недостающую сумму за счет заработка, который приносили им пошив и глажка одежды. Этой работой они занимались сами, а также привлекали к ней двух рабынь, обычно прислуживавших по дому.

Взяв на себя ответственность за управление домашним хозяйством, Сейшас принял решение изменить сложившийся порядок. Он заявил, что будет выделять недостающие 25 мильрейсов из собственных средств, чтобы все заработанное матерью и сестрами доставля-

лось им самим. Кроме того, он намеревался материально поддерживать их, как только это станет возможным.

Тогда в конторе он занимал должность второго секретаря и надеялся вскоре получить должность первого. Его жалование в сумме с гонорарами за статьи в газете, для которой он много писал, составляло немногим более трех конто в год. Затем доходы Сейшаса возросли до семи конто благодаря поручению, которое дал ему министр, оказавший ему благосклонность.

Таким образом, годовой доход семьи составлял около 8,5 конто. Если вычесть из этой суммы 1,8 конто – столько ежегодно уходило на расходы по дому, из расчета, что ежемесячные платежи составляли 150 мильрейсов, – на личные расходы Сейшасу оставалось 6,7 конто. В те времена даже богатые холостяки, появившиеся в свете, не тратили на себя так много.

Однажды на балу Сейшас потерпел неудачу: его ухаживания были отвергнуты, и он, раздосадованный, удалился. Не зная, где скоротать время, и не желая оставаться в свете, он решил вернуться домой. Любовное разочарование пробудило его музу, склонную к меланхолии, и он вспомнил о Байроне и о своих стихах, написанных в подражание наиболее пылким поэмам английского лорда.

Не имевший обыкновения проводить вечера дома, Фернандо, желая избежать объяснений с матерью и сестрами, предпочел войти незаметно. Он поднялся по лестнице на цыпочках и открыл дверь в свою комнату французским ключом, который носил в одной связке с ключом от входной двери. Этими ключами он пользоваться, чтобы не беспокоить родных, когда приходил в поздний час.

Тем временем дона Камила и ее дочери пили чай вместе с соседями, которые всей семьей зашли к ним в гости. Они оживленно беседовали, и, услышав их разговор, Фернандо понял, что темой для обсуждения был новый спектакль, который ставился в Опере.²⁶

Соседки, побывавшие на премьере, во всех подробностях и с большим воодушевлением описывали постановку сестрам Фернандо.

– Вы еще не слушали новую оперу? Очень советуем послушать, вы точно не пожалеете. Попросите своего брата, чтобы он сводил вас в театр.

Застигнутые врасплох таким прямолинейным предложением, сестры тотчас охладели к спектаклю и потеряли к нему всякий интерес. Смутьившись, обе затихли, но соседки с некоторой язвительностью настаивали на своем, и тогда Марикиньяс, которую их слова задевали больше, чем сестру, ответила:

– Фернандинью часто нас приглашает, но всякий раз что-нибудь мешает нам пойти.

– Да, всегда есть другие дела, – добавила Никота.

Услышав этот разговор, Сейшас осознал, насколько разителен контраст, который каждый день и каждое мгновение был у него перед глазами и причиной которого был он сам.

Если он тратил все время на удовольствия, которыми уже был пресыщен, его мать и сестры вовсе не знали развлечений, проводя томительные вечера за работой и лишь иногда слыша отголоски светской жизни, звучащие в разговорах редких гостей.

Его расходы на самого себя более чем в три раза превышали расходы на содержание семьи. Например, денег, потраченных им на то, чтобы появиться в тот вечер на балу, который он почти сразу покинул, было более чем достаточно, чтобы подарить сестрам приятную возможность посетить оперу.

Охваченный такими мыслями, Сейшас отложил спичку, решив не зажигать лампу, свет которой мог бы озарить бессонную ночь поэта, и не закуривать сигару, дым которой мог бы

²⁶ Опера (порт. Teatro Lírico) – оперный театр, действовавший в Рио-де-Жанейро с 1852 по 1875 год; именно там ставились большие премьеры.

опьянить музу. Вместо этого он лег в постель и, уткнувшись головой в подушку, заснул сном праведника.

На ближайший оперный спектакль Сейшас пригласил в театр мать и сестер. Для них это был настоящий праздник. Проходя мимо собравшихся в театре гостей под руку с сыном, донна Камила, несмотря на свою простоту и застенчивость, почувствовала, как в ней пробуждается гордость, вызванная не осознанием собственных достоинств, но любовью к сыну. Дочери донны Камилы ощутили схожее чувство; они не сомневались, что все вокруг завидуют им, потому что рядом с ними их брат.

Проведя мать и сестер в ложу, Фернандо спустился в партер, где встретил одного своего приятеля.

– О, Сейшас! Не расскажешь ли, где ты отыскал таких деревенщин? Признайся, ты что-то задумал! Одна из них еще ничего!.. Хотя и она красотой не блещет!

Фернандо не стал отвечать и удалился под предлогом того, что ему нужно поприветствовать проходящего мимо знакомого. Дома собираясь в спешке, при тусклом свете он не разглядел, как одеты мать и сестры. Однако в ложе, ярко освещенной газовыми светильниками, юноше, имевшему утонченный вкус, стало очевидным, насколько нелепы наряды матери и сестер, далеких от моды и не разбирающихся в предпочтениях света. Остаток вечера, показавшегося ему нескончаемым, Сейшас провел то и дело покидая ложу, а появляясь в ней, старался вставать так, чтобы его не было видно.

Несколько дней Сейшас не мог забыть о происшествии того вечера и был мрачен. Дошло до того, что он нашел некий предлог, чтобы не выходить из дома, и на время отказался от развлечений. На самом деле он избегал света не только из-за случая в театре, но также из-за неудачного для него бала. Наконец его посетила мысль, которая позволила ему вновь обрести спокойствие.

Постоянно появляясь в свете, обращая на себя внимание, приобретая связи и обзаводясь влиятельными друзьями, Сейшас, несомненно, сделал бы хорошую карьеру. В один прекрасный момент он мог бы удачно жениться, как делают многие, даже те, чье положение менее выгодно, чем его собственное. Кроме того, вполне вероятно, вскоре ему открылся бы путь истинного честолюбия, называемый политикой.

Разбогатев и достигнув высот, он бы смог позволить себе иметь дом, соответствующий его новому положению. Тогда и мать, и сестры не только переехали бы в роскошный особняк, но и получили бы блестящее имя. Общество воспринимало бы их иначе, и у них появилась бы возможность бывать в свете. Он помог бы сестрам выйти замуж и так своими стараниями устроил бы счастье всей семьи.

Если бы Сейшас, напротив, решил в самом начале карьеры взять на себя бремя всех расходов и долгов, даже ценой всего своего заработка ему не удалось бы вытащить семью из бедности, прозябая в которой он сам растратил бы лучшие годы.

Таким образом, Сейшас убедил себя в том, что светская жизнь не только соответствует его благородным устремлениям, но и является залогом счастья его семьи. Все его сомнения были развеяны.

Совсем недавно Сейшас прибыл из Пернамбуку, где провел восемь месяцев и откуда вернулся в тот же день, когда в Казино устраивался бал.

Официальной целью поездки было служебное поручение, которое Сейшас получил, насколько мне известно, от государственного секретаря. В политических кругах поговаривали, будто это поручение было связано с предстоящими парламентскими выборами. Не оспаривая этого, завистники добавляли, что на север журналиста влекло сияние прекрасных черных глаз одной смуглянки. Все эти обстоятельства действительно повлияли на решение Сейшаса, но главная причина, заставившая Фернандо, коренного жителя Рио-де-Жанейро, на целых восемь месяцев покинуть высшее общество, была иной. Ее мы узнаем позднее.

VII

Фернандо, шутя, разговаривал с сестрами, когда кто-то, прежде чем подняться по лестнице, заявил о своем появлении, похлопав в ладоши. Девушки тотчас выбежали из гостиной, а Сейшас, не вставая с дивана и не меняя своего положения, громко сказал:

– Поднимайтесь!

Столь бесцеремонное отношение к гостю может вызвать удивление, особенно если учесть, что Сейшас был весьма благовоспитанным молодым человеком, однако оно объяснимо, поскольку в своем доме Фернандо не принимал никого, кроме приказчика или людей, занимающих еще менее высокое положение.

Вскоре в гостиную – и здесь это, пожалуй, это самое подходящее слово – лоснящийся пухлый сеньор Лемос. Молниеносно промчавшись зигзагами через всю комнату, он встал перед Сейшасом, по-прежнему лежавшем на диване, и трижды пожал ему руку, сопровождая каждое рукопожатие вежливыми приветственными фразами. *ворвался*

– Сеньор, с которым я имею честь говорить – Фернандо Родригес де Сейшас?

Наш журналист сразу же встал и быстрым движением поправил полы халата. Лицо Сейшаса приобрело приветливое выражение, говорившее о свойственных ему благородстве и тактичности.

– Будьте любезны садиться, – сказал он, указывая Лемосу на диван. – Прошу прощения за беспорядок, я вернулся совсем недавно.

– Знаю, знаю. Ваш корабль пришел вчера, не так ли?

Сейшас кивнул в ответ и спросил:

– Кого я имею честь принимать в своем доме?

Лемос достал из кармана рекомендательное письмо и передал его молодому человеку, остановив на его лице свой пронизывающий взгляд.

– Господин, соблаговоливший мне вас представить, достоин глубокого уважения. Пользуясь случаем, я выражаю ему свое почтение. Я весь к вашим услугам, сеньор Рамос.

Старик, рассыпаясь в любезностях, уточнил, что его фамилия не Рамос, а Лемос, однако говорил он так быстро и так сильно кашлял, что Сейшас не разобрал его слов. Всему этому было объяснение. Когда Лемос подъезжал к своему дому, располагавшемуся на улице Сан-Жозе, у него появился план, о чем свидетельствуют следующие его мысли:

«Что сделано, то сделано. И не рассчитывай, Лемос, что ты обведешь Аурелию вокруг пальца. Несдобровать тебе, если попытаешься ее обхитрить. Выходит, такому проныре, как ты, ничего не остается, кроме как выполнить ее просьбу, конечно не без выгоды для себя».

Выпрыгнув из тильбюри, старик Лемос ненадолго зашел в свой дом, откуда забрал очки с зелеными стеклами, которые когда-то носил, чтобы защитить глаза от офтальмии. Он сделал кучеру знак сопровождать его и свернул на улицу Китанда. Проследовав по этой улице, они зашли к одному влиятельному господину, с которым Лемос водил дружбу.²⁷

– Ваша честь, напишите-ка мне рекомендательное письмо к Сейшасу.

Господин, к которому были обращены эти слова, напряг память.

– Сейшас... Не знаю такого!

– Как же так? Подумайте хорошенько! Давайте-ка напишем вместе. Для сеньора Антонио Жуакима Рамоса.

Именно это письмо опекун Аурелии передал Сейшасу, к которому пришел, маскируясь при помощи очков и чужой фамилии. Хотя, даже если бы Сейшас узнал его, Лемос все равно сумел бы выйти из трудного положения.

²⁷ Тильбюри (от англ. tilbury – по фамилии изобретателя) – легкий двухколесный одноконный экипаж.

– Прошу простить меня за то, что наношу вам визит на следующий день после вашего возвращения, но дело, которое привело меня к вам, не терпит отлагательств.

– Я весь внимание.

– Мне нужно предупредить вас, что это дело важное и что оно требует осторожности и деликатности.

– Я понимаю.

Лемос с присущей ему расторопностью тотчас опустился на стул и продолжил:

– Речь идет об одной девушке, достаточно богатой и привлекательной, которую ее родители хотят как можно скорее выдать замуж. Опасаясь, что ее соблазнит какой-нибудь франт, один из тех, что вынюхивают, у кого приданое побольше, они хотели бы найти для нее достойного жениха. Это должен быть молодой человек серьезный, имеющий хорошее положение в обществе, но необязательно богатый, поскольку, как известно, люди, знакомые с нуждой, лучше знают цену деньгам и понимают, что их нужно беречь, а не бросать на ветер, как это делают сыновья богачей.

Лемос остановил взгляд своих живых блестящих глазок на лице Сейшаса.

– Поскольку эта семья удостоила меня своей дружбы, выбор подходящего жениха был доверен мне. Мое присутствие здесь означает, что наконец поиски мои увенчались успехом: жених найден – и это вы.

– Ваш выбор мог бы польстить моему самолюбию, сеньор Рамос, но я не могу дать своего согласия...

– Позвольте. В делах я придерживаюсь своих правил. Сначала я полностью озвучиваю условия, включая права и обязанности сторон, а также называю окончательную цену; я не привык торговаться. Мой собеседник обдумывает предложение, и, если его все устраивает, мы бьем по рукам.

– Так, значит, речь идет о настоящей сделке! – заметил Фернандо с легкой иронией.

– Вы абсолютно правы! – ответил старик Лемос. – Однако я еще не назвал всех условий. Поскольку девушка достаточно богата, ее приданое составляет сто conto чистыми деньгами.

Сейшас промолчал.

– Теперь прошу вас сообщить, каково ваше решение.

– Его нет.

– Как же так? Вы и не соглашаетесь, и не отказываетесь?

– Прошу простить меня за прямолинейность, сеньор Рамос, но я нахожу ваше предложение несерьезным, – сказал юноша крайне учтивым тоном.

– Почему же?

– Прежде всего, должен признаться, что я помолвлен. Официально о помолвке еще не было объявлено, но все же я не могу нарушить некоторых договоренностей и свободно распоряжаться своим будущим.

– От договоренностей можно отказаться в любой момент.

– Вы правы, иногда обстоятельства вынуждают нас отказаться от взятых на себя обязательств. Однако для честного человека стремление получить личную выгоду в число таких обстоятельств не входит. Тот, кто руководствуется корыстью, не меняет намерений, но заключает и расторгает сделки.

– А разве вся наша жизнь – это не череда сделок между человеком и обществом?

– Я смотрю на жизнь под другим углом. Я понимаю, что человек может жертвовать собой, преследуя благородную цель, такую, как счастье близких или любимой женщины. Если же человек жертвует собой ради денег, это вовсе не жертва, это торг.

Будучи знатоком материалистической диалектики, Лемос прибегнул ко всевозможным доводам этого учения, чтобы переубедить Сейшаса. Однако его слова не оказали должного воздействия на юношу, который, внимательно выслушав собеседника, остался при своем.

– Что же, – заключил старик Лемос, – в нашем деле спешка ни к чему. Вам необходимо время, чтобы все обдумать, и, если вы все-таки примете мое предложение, на что я очень надеюсь, прошу вас уведомить меня об этом. Я оставлю вам свой адрес...

– Благодарю, не стоит, – ответил Сейшас.

– И все же. На всякий случай...

Старик Лемос карандашом написал название улицы и номер дома на листке, вырванном из записной книжки, и оставил его на столе.

По прошествии получаса Сейшас уже спускался по Судейской улице к отелю «Европа», где около полудня собирался пообедать, как подобает настоящему фидалго.

По пути ему встречались приятели и знакомые, которые расспрашивали его о том, как прошла поездка, и делились с ним столичными новостями. От них он узнал, что Аурелия Камарго впервые появилась в свете несколько месяцев назад и по-прежнему оставалась в центре внимания высшего общества Рио-де-Жанейро.

Вечером того же дня в Опере была премьера: ставили «Риголетто», пела Лагранж. После восьми месяцев, проведенных вдали от столицы, Сейшас не мог позволить себе пропустить спектакль.

Ровно в восемь он, держа изящный бинокль из слоновой кости в левой руке, облаченной в перчатку из мягкой лайки, и неся перекинутое через другую руку элегантное пальто, поднялся по лестнице театра со стороны моря.

У входа в театр он встретился с Алфредо Морейрой, с которым днем ранее виделся в Казино.

– Сейшас, куда же ты вчера запропастился? Я тебя всюду искал!

– Я никуда не пропадаю. Просто все твое внимание было обращено на кого-то другого, – ответил Фернандо с улыбкой.

– Да, ты прав! Я не мог отвести взгляда от одной женщины... До чего же она хороша! Когда смотришь на нее издали, видишь прекрасного ангела, окруженного пленительным блеском очарования. Приблизившись к ней, понимаешь, что она обладает красотой высшего достоинства. А когда слушаешь ее голос, в нем словно раздаются золотой звон. Вчера я искал тебя, как раз чтобы представить ей. А вот и она!

Последнюю фразу Алфредо произнес, заметив, как у ворот остановилась карета. Из нее вышел не кто иной, как Аурелия Камарго, которая в сопровождении донья Фирмины направилась в свою ложу, расположенную на втором ярусе.

Аурелия была одета в свободный плащ из тончайшего белого кашемира, приоткрывавший только ее лицо под тенью капюшона и край синего платья. Лишь благодаря необычайной элегантности, даже в таком объемном и просторном наряде она сохраняла изящество и грацию. Остановившись напротив двух молодых людей и повернувшись к ним спиной, она ждала донью Фирмину.

– Разве она не прекрасна? – спросил Морейра у своего товарища, говоря так, чтобы его услышал не только он, но и Аурелия.

– Она ослепительна! – ответил Сейшас. – Но мне она кажется призраком.

– Я тебя не понимаю!

– Она напоминает мне женщину, которую я когда-то любил и которая умерла. Это сходство меня отталкивает.

Слыша этот разговор, Аурелия сохраняла невозмутимый вид. Морейра подошел к ней, чтобы поприветствовать ее, и подумал, что в словах его друга была доля истины. Действительно, нечто сверхъестественное было в прекрасном бледном лице Аурелии.

Наконец поднялась донья Фирмина. Любезно ответив на приветствие Алфредо, Аурелия прошла мимо Фернандо, словно не заметив его, и направилась в ложу.

VIII

Свой первый визит к Сейшасу Лемос расценил как весьма удачный.

Старик в некотором смысле был оптимистом и верил, что сама природа наделила человека непреложным инстинктом искать и находить выгоду. Поэтому ему казалось невозможным такое развитие событий, при котором молодой мужчина, находясь в здравом уме, мог бы отказаться от богатства. Тем более если это богатство само постучалось в двери его обветшалого дома на Богадельной улице, а потом, взяв счастливицу под руку, предложило ему разместиться на мягких сиденьях экипажа, готового доставить его в особняк, находящийся в Ларанжейрас.

Лемос знал, что писатели, желая придать драматизма сценам своих романов, клеветают на род человеческий, приписывая некоторым людям подобные нелепые поступки, но считал, что действительность такого не допускает.

«Неужели кто-то откажется от ста конто? – думал он. – Разве что если на это есть веские причины практического характера. У Сейшаса таких нет, а его пустые слова о сделках и торге – не более чем вздор. Что ж, господа моралисты, расскажите-ка мне, что есть наша жизнь, если не торговая лавка? Что делают люди от рождения до самой смерти, если не продают и покупают? Чтобы родиться на свет – нужны деньги, чтобы умереть – еще больше денег. Богатые сдают в аренду свою собственность, а бедняки сдают, если не продают, самих себя».

Таким образом, убежденный в том, что у Сейшаса нет, как было сказано, «веских причин», чтобы отклонить полученное предложение, Лемос рассматривал его первый отказ как пример притворства или же робкого сопротивления, которое добродетель оказывает соблазну. Впрочем, он надеялся, что через несколько дней взгляды Сейшаса изменятся в благоприятную для него, Лемоса, сторону.

От Сейшаса Лемос направился к Амаралу, где начал переговоры, от которых зависел успех первой встречи. Потеряв Аделаиду и упустив тридцать конто, Сейшас точно не откажется от возможности получить сто; так он не только найдет себе утешение, но и заставит позавидовать своего соперника.

Не знаю, как вы отнесетесь к социальной философии Лемоса, но, как бы то ни было, старик не сильно удивился, когда одним прекрасным утром его приказчик сообщил ему, что с ним хочет встретиться молодой человек по фамилии Сейшас.

Приказчика звали Антонио Жуаким Рамос – его именем и фамилией Лемос воспользовался, представляясь Сейшасу. Лемос предупредил приказчика об этом обстоятельстве, которое, впрочем, того не удивило, поскольку он привык к подобным хитростям.

– Пусть подождет! – крикнул старик Лемос.

В доме Лемоса на первом этаже было особое помещение, которое он называл рабочим кабинетом. В этой небольшой, обитой деревом комнате, в которую можно было пройти с улицы по длинному коридору, старик работал, сидя за перегородкой из балясин, точно в клетке. Как раз оттуда он отвечал приказчику. Всякий раз, прежде чем взяться за важное дело, Лемос как следует его обдумывал, чтобы в дальнейшем избежать каких-либо неожиданностей. Именно этим тогда он и был занят.

«В каком расположении духа будет молодой человек? Начнет ли он расспрашивать о невесте, беспокоясь, что его хотят женить на какой-нибудь дурнушке? Ах! Ах! Эти опасения точно напрасны! Захочет ли он поторговаться? Девушка готова согласиться на двести конто, а если понадобится, и на большую сумму. Оно и понятно, ведь у женщин деньги в руках горят. Но я уступать не стану! Сто конто – и не реалом больше!»

Сделав такие соображения, Лемос открыл дверь кабинета и крикнул:

– Прошу!

Когда Сейшас зашел, Лемос сидел на табурете и, склонившись над столом, что-то писал. Не поднимая головы, он жестом левой руки указал молодому человеку на диван.

– Присаживайтесь, я сейчас освобожусь.

Кончив писать, Лемос промокнул бумагу пресс-папье, положил письмо в конверт, написал на нем адрес и только затем, покрутившись на табурете, как флюгер, повернулся к Сейшасу.

– О чем вы хотели со мной поговорить?

– Вы уже не помните меня? – ответил вопросом на вопрос взволнованный Сейшас.

– Мне кажется, я вас где-то видел, но не припомню где.

– Вы заходили ко мне два дня тому назад, – сказал Сейшас. – Мы виделись только один раз.

– Два дня назад? – Лемос сделал вид, что пытается вспомнить.

С того момента, как Сейшас оказался в кабинете, выражение его лица и манера держаться выдавали необычную для него скованность. По-видимому, он боролся с некоторой внутренней силой, убеждавшей его отказаться от принятого решения, не поддавался ей и достаточно хорошо владел собой, чтобы подчинить ее своим нуждам.

Однако забывчивость Лемоса пошатнула оказавшуюся недолгой уверенность Сейшаса, на чьем лице тотчас отразились охватившие его душу сомнения. Эта перемена не осталась незамеченной для старика Лемоса, который, разместившись так, чтобы видеть лицо своего собеседника в полупрофиль, вдруг воскликнул:

– Ах! Сеньор Сейшас! Друг мой, прошу прощения! Сами знаете, какая у нас, коммерсантов, память! Все нужно записывать. А как иначе? Ведь у нас столько дел, что все в голове не умещается! – Старик захихикал дребезжащим смехом, указывая на торговую книгу, лежавшую на письменном столе. – Вот она, моя память! Проверенная коммерческим трибуналом и завизированная с соблюдением всех предписанных законом условностей. Ха-ха-ха! Итак, друг мой, что заставило вас обратиться к моим услугам?

– Сеньор Рамос, я хотел бы узнать, остается ли в силе предложение, которое позавчера я получил от вас в своем доме? – спросил Сейшас.

Лемос притворился, что размышляет.

– Брак с девушкой, за которой дают сто конто приданого, верно?

– Да. Мне осталось только познакомиться с невестой.

– Ах! Этот вопрос мы, кажется, уже прояснили. Я не имею права представить вам невесту до заключения брачного договора.

– Вы этого мне не говорили.

– Это подразумевалось.

– Почему я не могу увидеть невесту? Все это наводит на мысль о том, что она дурна собой.

– Уверяю вас, что это не так; в противном случае вы освобождаетесь от каких-либо обязательств.

– Не могли бы вы рассказать о невесте хоть что-нибудь?

– Готов рассказать все, что знаю.

Сейшас расспросил старика о происхождении девушки, ее возрасте, полученном ею образовании, а также задал ему ряд других вопросов. Все ответы, данные Лемосом, молодого человека более чем устроили.

– Я принимаю предложение, – заключил Сейшас.

– Очень хорошо.

– Принимаю, но с одним условием.

– Ваше условие должно быть разумным.

– Мне необходимо получить двадцать конто не позднее чем завтра.

Услышав эти слова, старик подскочил на табурете. Подобного развития событий он явно не ожидал.

– Поймите, в этом деле не все зависит от меня, – сказал он. – Я только исполняю обязанности доверенного лица и не имею права предоставить вам какую-либо сумму до заключения брачного договора. Что касается приданого, могу вас заверить, что вы получите его полностью сразу после свадьбы.

– И все же не могли бы вы передать мне упомянутую сумму в качестве задатка?

Несмотря на все свои усилия, Лемос не смог скрыть удивления, отразившегося на его лице.

– Вы правы, – заметил Сейшас, сохраняя спокойствие. – Мы совсем мало знакомы, сеньор Рамос, и условие, предложенное мной, конечно, не внушает ко мне доверия.

– Нет-нет, молодой человек, дело не в этом, – ответил старик Лемос, все еще пребывая в замешательстве. – Но поймите: всему свое время.

– Прошу извинить меня за причиненное вам неудобство, – сказал Сейшас, прощаясь с Лемосом.

Старик был настолько озадачен, что не ответил Сейшасу, который вышел из кабинета, не зная, что ему теперь делать.

«Черт возьми! И зачем только этому повесе понадобились двадцать конто? Не иначе как на „Алказар“. Готов поспорить, что юнец решил приударить за какой-нибудь француженкой. А они – настоящие змеи! Тонкие, как тростинки, но мужчин заглатывают живьем!.. И как воспримет условие Сейшаса моя подопечная? Готова ли она пойти на риск, которого требует заключение сделки?»²⁸

Пока Лемос вел этот внутренний монолог, к нему вернулись привычные живость и веселость; выбежав из дома, он увидел, как Сейшас, опустив голову, плетется по улице.

– Сеньор Сейшас! Пойдите!

Лемос сделал еще несколько шагов, приближаясь к молодому человеку.

– Ответьте мне всего на один вопрос! – тотчас сказал старик, не желая внушать Сейшасу напрасных надежд. – Если бы вы получили эти двадцать конто, договор между нами был бы заключен?

– Несомненно! Я уже сказал вам об этом.

– У вас нет никаких возражений, вас не занимает всякий вздор вроде чести или достоинства, которыми некоторые типы дурачат всех вокруг. Дело решено, и вы отказываетесь предварительно осматривать товар, вернее, знакомиться с невестой?

– Если она такая, как вы мне ее описали...

– Разумеется, сеньор Сейшас! Послушайте, я ничего не могу обещать, но завтра я зайду к вам около девяти.

Лемос закончил кое-какие дела, подготовил чек на двадцать конто и после ужина направился в Ларанжейрас.

Аурелия читала в гостиной, но стиль Жорж Санд ее не увлекал. Ее душа, поднявшись на крыльях, безмятежно парила в вышине.

Когда девушке сообщили о приезде Лемоса, вся она содрогнулась, и ее тонкие ноздри затрепетали, выдавая крайнее волнение.

– Меня привело к вам небольшое затруднение, возникшее в нашем деле.

– Какое?

– Сейшас...

– Я просила вас не произносить при мне этого имени, – сказала девушка суровым тоном.

– Виноват, Аурелия, простите за опрометчивость... Он требует, чтобы не позднее чем завтра мы выплатили ему двадцать конто наличными, иначе он не заключит сделку.

– Так заплатите!

²⁸ «Алказар» – французский театр-варьете, существовавший в Рио-де-Жанейро в XIX веке.

Эти слова девушка произнесла тоном таким же резким, как звук алмаза, разрезающего стекло.

Ее лицо стало мертвенно-бледным; на несколько мгновений могло показаться, что жизнь покинула ее, и она обратилась в прекрасную, но ледяную, мраморную статую.

Лемос не заметил этих перемен, он был занят тем, что доставал из кармана сложенный листок, заверенный печатью. Положив его на стол и разгладив, Лемос опустил перо в чернильницу и сказал Аурелии:

– Выпишите-ка один чек!

Сев за стол, Аурелия мелким наклонным почерком вывела несколько строк.

– Для чего ему эти деньги? – спросила она.

– Он не сказал, но у меня есть некоторые догадки и предположения, и, поскольку речь идет о союзе, от которого зависит ваше будущее, Аурелия, я ничего не стану от вас скрывать.

– Говорите.

– Я не уверен, но мне кажется, что он растратит эти деньги на какое-нибудь ребячество. Наш соотечественник Жозе Клементе построил лечебницу для душевнобольных, а потом приехали все эти французики и открыли «Алказар», чтобы сводить с ума здоровых. Так что скоро на Красном Берегу сумасшедшим не будет хватать места.²⁹

Аурелия прикусила кончик ручки для пера, сделанный из слоновой кости, которая показалась темной по сравнению с ее жемчужно-белыми зубами.

– Разве это имеет значение? – сказала она и подписала чек.

На следующий день в назначенное время Лемос явился к Сейшасу.

– А вам сегодня крупно повезло! Вы сорвали куш!

Лемос достал из кармана бумагу, заверенную печатью.

– Только сначала дайте-ка мне одну расписочку.

– Что вы имеете в виду?

После непродолжительной внутренней борьбы, вызванной необходимостью сделать окончательный выбор между совестью и выгодой, Сейшас подписал следующий документ:

«Настоящим удостоверяю, что я получил от сеньора Антонио Жуакима Рамоса сумму в двадцать conto в качестве задатка в счет приданого, составляющего сто conto, и обязуюсь не позже чем через три месяца жениться на девушке, о которой сообщил мне сеньор Рамос, гарантией чему служит моя честь».

Пробежав глазами эти строки, Лемос достал из пачки купюры и с быстротой биржевого маклера пересчитал их. Отложив одну, остальные он передал Сейшасу, пояснив:

– Девятнадцать conto, девятьсот восемьдесят мильрейсов... и двадцать мильрейсов – на оформление бумаг...

С удрученным видом Сейшас взял деньги.

– А вы счастливчик! – сказал Лемос, словно не замечая расположения духа своего собеседника.

Издав ироничный смешок, он сделал два пируэта и три прыжка, ущипнул Сейшаса и стремительно спустился с лестницы, подсакивая, как резиновый мячик.

²⁹ Жозе Клементе Перейра (1787—1854) – португальско-бразильский военный и политический деятель, меценат, на чьи средства в Рио-де-Жанейро была открыта лечебница для душевнобольных, располагавшаяся на Красном Берегу.

IX

Сейчас был человеком честным, но его честь в силу его долгого пребывания в душном конторском кабинете и в жарких балльных залах сделалась мягкой, как воск, из которого тщеславие и амбиции могли лепить все, что им вздумается.

Он никогда не присваивал себе чужого и не злоупотреблял доверием, однако придерживался простой и удобной в употреблении морали, у которой в современном обществе так много сторонников.

Согласно этой морали, в вопросах, касающихся любви, допустимо все, а личные интересы ничем не ограничены при условии, что это не противоречит закону и не вызывает скандала.

На следующий день после первого визита Лемоса, рано утром, донна Камила зашла к сыну.

– Фернандию, нам нужно обсудить вопрос, чрезвычайно важный для нашей семьи. Один юноша, который живет на нашей улице, влюблен в Никоту. Он еще совсем молод, но у него уже есть своя небольшая лавка. Я ждала твоего приезда, чтобы принять решение...

Затем донна Камила рассказала сыну подробности невинного романа, и Фернандо с радостью дал свое согласие на брак сестры.

– Наконец она выйдет замуж, – со вздохом сказала добрая донна Камила. – Я так боялась, что Никота останется в девушках, как моя бедная Марикиньяс!

– Бедняжка! Но я все еще надеюсь и для нее найти хорошую партию, матушка.

– Твои слова да Богу в уши. Ах! Чуть не забыла! Нам же теперь надо снять часть денег со счета в Сберегательной кассе, чтобы подготовить Никоте приданое.

– Не торопимся ли мы? Ведь еще ничего не решено.

– Молодой человек ждет согласия Никоты, а та не дает его без нашего одобрения. Сегодня...

– Хорошо. Как только смогу, я пойду в банк. Но если деньги нужны прямо сейчас, я могу предложить некоторую сумму.

– Нет, лучше снять в банке и купить все сразу.

Фернандо вышел из дома раздосадованным. Жизнь, которую он вел, требовала от него все больших расходов. Свое ежемесячное жалование он тратил на отели, походы в театр, галантерею, игру, чаевые, а также на тысячи прочих вещей, необходимых светскому франту. В конце года, когда приходило время расплачиваться с портным, обувщиком, парфюмером и конюхом, лишних денег не оставалось.

Чтобы покрыть новые расходы, Фернандо без зазрения совести пользовался средствами из Сберегательной кассы, продолжая при этом каждый месяц снимать со счета 150 мильрейсов, которые он отдавал матери. Сейчас надеялся, что судьба будет к нему благосклонна и ему удастся пополнить счет. Однако выходило так, что он не только не возмещал расходы, но и все больше тратил. Откуда теперь было взять ему деньги на приданое Никоте?

Расписавшись в табеле прихода и ухода, Фернандо вышел из конторы, чтобы пообедать, а утолив голод, отправился к своему доверенному лицу, которому было поручено в отсутствие Сейшаса вести его дела, а также ежемесячно получать в Сберегательной кассе и передавать доне Камиле полагающуюся ей сумму.

Сейчас рассчитывал, что у него остались деньги, которые он отправлял из Пернамбуку в Рио-де-Жанейро, и полагал, что ему выплатили старые долги. Однако в действительности оказалось, что у него самого был долг более чем в два конто, на который начислялись пени в 12%. По мнению Сейшаса, процент был столь велик, что долг необходимо было погасить немедленно.

Когда вечером Сейшас вернулся домой, чтобы переодеться перед новым выходом в свет, он обнаружил три письма, принесенные, очевидно, во время его отсутствия.

Одно было от Амарала. Исписав целых два листа, он не сообщал ничего конкретного, предоставляя разгадку этой шарады проницательности Сейшаса. Вкратце, отец Аделаиды написал это письмо, чтобы подготовить Сейшаса к расторжению помолвки.

Всякий, кому знакома манера письма, свойственная Лемосу, узнал бы в этом послании его стиль, такой же раскованный, как и он сам.

Два других письма оказались неизвестно откуда взявшимися счетами, причем на весьма значительные суммы. Должно быть, Сейшасу было необходимо оплатить их еще до отъезда в Пернамбуку. Об этом с суровой лаконичностью напоминали следующие слова: «Задолженность по вашему счету за прошлый год».

Скомкав письмо Амарала и счета, Фернандо бросил их в угол. Вероятно, при других обстоятельствах он был бы рад новости о расторжении помолвки, возвращавшем ему полную свободу и соответствовавшем его тайным желаниям, однако теперь это известие огорчило его. В нем он видел неоспоримое доказательство своего разорения, о котором также свидетельствовали неоплаченные счета и накопившиеся долги. На приеме, состоявшемся в тот вечер, его ждало еще одно разочарование.

После того как Сейшас согласился отправиться в Пернамбуку, чтобы выполнить поручение государственного секретаря, ему была обещана синекура, связанная с составлением свода законов. Однако, когда Сейшас появился в секретариате, возникшие у него сложности заставили его усомниться в том, что это обещание будет выполнено, и все же он надеялся на помощь своих покровителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.